

1186

Ускопка

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания VI

Искорка

№ 2

Февраль 1962 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Л. Барбас

Кто со мною?

Подморозило снова,
Белый иней в саду.
Я денька выходного
С нетерпением жду.

Проверяю крепленья,
Мазь для лыж достаю...
Раньше всех в воскресенье
Я, ребята, встаю.

Проглочу по привычке
Бутерброд на бегу...
Из окна электрички
Вижу сосны в снегу

Да лесную сторожку,
Вон — рукою подать.
Я слежу из окошка,
Скоро ль мне вылезать?

На лесистом разъезде
Из вагона сойду,
Все тропинки изъездил
Я здесь в прошлом году.

Я давненько здесь не был,
Я недаром спешил.
Под безоблачным небом
Замёрзший застыл.

Снег скрипит под ногами,
Снег блестит, как слюда...
Ну, а может, вы сами
Соберётесь сюда?

Груз походный на плечи,
Пара лыж на весу...
Я с рассветом вас встречу
В тихом зимнем лесу.

Рис. В. Адаева

Выстрелы над озером

1 октября 1941 года в городе Луге был повешен немцами подросток Саша Кондратьев.

(Из газеты „Колхозная правда“, Луга)

ВПЕРВЫЕ за долгое время прошёл сильный дождь, но к полудню ветер стих, и было солнечно и тепло.

Размахивая прутиком, из леса вышел босоногий крепкий паренёк с загорелым лицом и широко расставленными спокойными глазами.

Тропинка сворачивала влево, огибая лес, потом круто спускалась к широкой дороге, ведущей в деревню. А дальше, за тёмными избами, виднелось озеро с крутыми извилистыми берегами.

Хотя паренёк родился и вырос в этих местах, он каждый раз удивлялся и радовался, глядя на бледно-голубое небо, на яркую зелень, на ослепительно белые стволы берёз и лёгкие облака. Он шёл тропинкой и вдруг резко остановился, посмотрел под ноги.

На тропинке был отпечаток немецкого сапога. След отчётливо и глубоко вдавился во влажную землю. Дальше следов не было, и мальчик, обойдя по траве это место, вернулся на тропинку. Но прежде чем идти дальше, он старательно и точно плюнул на отпечаток.

Изда мальчика стояла на

краю маленькой деревни, ближе к лесу. Пареньку хотелось есть, и он решил забежать на минутку домой — взять кусок хлеба.

Он осторожно посмотрел кругом. Пусто, как глубокой ночью. Оставшиеся в деревне люди стараются поменьше выходить из домов, чтобы не обращать на себя внимания. Не слышно стало ни песен, ни стука топора, ни кудахтанья кур, ни ржания лошадей. Если бы не редкие взрывы и выстрелы, можно было бы оглохнуть от этой насторожённой тишины.

В канаве из мутной воды торчали остатки разбитой телеги. Мальчик нагнулся, потянул за колесо. И тут же бросил, махнул рукой: ни к чему стало что-нибудь беречь. Всё разорено. Ничего не осталось от прежней жизни.

Он вспомнил, как всего несколько месяцев назад работал в колхозе. До чего же хорошо было сидеть в телеге и весело подгонять коня! Где теперь Вороной? Куда его дели фрицы?..

— Эй, Сашка! Иди скорей, староста зовёт! — крикнул рыжий парень, выбегая из-за угла сарая.

У мальчика всё перевернулось внутри от этого окрика. Не надо оборачиваться, вот уже дом, крыльцо.

— Слышь, Коңдратьев! Иди, ты что оглох? — продолжал парень. Он догнал Сашу, ухватил за ворот.

— Пусти, я сам, — сказал Саша, бросил прутик на крыльцо и пошёл к дому старосты. Парень шагал следом, точно конвойный за пленным.

«Зачем зовёт? — думал Саша. — Узнал про тайник?»

Перед домом на лавке сидел староста — долговязый, пожилой, в грязной рубаше и кирзовых сапогах, залепленных глиной. Он сидел один, и в избе было тихо. Значит, фашистов нет.

Староста оглядел Сашу с головы до ног, потом сердито

махнул рыжему парню. Тот сразу исчез.

— А ну-ка, подходи, голубок, — сказал староста. Встал, приоткрыл окно, что-то взял со стола.

— Ты намудрил? — спросил он и больно ткнул Сашу в подбородок чем-то холодным и твёрдым.

Саша отодвинулся. Мина! Вынюхал всё-таки гитлеровский пёс. Откуда же эта мина?

Рисунки П. Вискова

С мельницы или из тех, что Саша подложил в соседней деревне под дом фрицев?

— Отвечай! Твоих рук дело?

— Куда мне снаряд смастерить! Или чего это... Граната, да?

Староста посмотрел на мальчишку. Хитрит, или правда тупой? Говорить ли, что мина найдена под мельницей? А вдруг и вовсе не Кондратьев виноват...

Пока староста раздумывал, Саша мирно почёсывал босыми пальцами пятку, покачиваясь на одной ноге, и думал: «Тычет мину, а сам трясётся, что нагорит от фрицев за непорядок. Эх, ты, староста! Скотина ты, вот кто».

А староста глядел на спокойное лицо Саши Кондратьева, на его широко открытые наивные глаза. Нет, куда такому дурню! Побойтся. Тут наверняка партизаны действовали. Но поспрошать парня для острастки надо.

— А чего у мельницы шастаешь?

— Купаться хожу. Ведь охота поплескаться, когда парит, — сказал Саша, безмятежно глядя в небо.

Старосте было жарко на солнцепёке, хотелось выпить квасу, припрятанного на холодке в погребе. Хватит этой возни. Не может мальчишка так спокойно глядеть, если виноват.

— Ну, ладно. Шагай до дому.

САША шёл медленно, беспокойно хмурился, потирая губы ладонью. Неудача с минами обозлила его. Он вспомнил, как со своим верным другом Костей отыскал эти мины в лесу после боя и как подкладывал их под мельницу, а потом ещё в соседнем селе, где стоят фашисты, под дом, набитый немцами. Это было опасно и нелегко. И всё дело испортил староста... Ну что же, значит надо придумать что-то другое. Не отступаться же из-за первой неудачи.

У своего крыльца Саша опустил руку в карман, пощупал гранату. Сейчас опасно нести её в тайник с оружием, идти вниз через всю деревню к озеру. Того и гляди, нарвёшься на старосту, а с ним надо теперь ещё осторожнее. Придётся подождать до темноты, а пока можно сунуть хоть под крыльцо. Саша огляделся кругом. Ему показалось, что вдалеке между избами мелькнула рыжая голова парня.

Нет, лучше спрятать гранату в доме, там никто не уследит. Он вошёл в сени. В углу стояла мать, Александра Никифорова, и наливала ковшом воду в самовар. Занятый своими мыслями, Саша не обратил внимания на шёпот матери. Тогда она взяла мальчика за плечи и тихонько сказала:

— Погоди тут, сынок. Испугаешь его.

— Кого?

— Лётчика. Из плена убёг.

Она вошла в комнату, ласково сказала несколько слов и позвала сына. Саша сунул

гранату в ящик, где под тряпьем лежали новые вожжи из колхозной конюшни. Он успел их спрятать в первый день появления фашистов в деревне. Придёт время, и вожжи снова понадобятся колхозу...

Когда Саша вошёл в комнату и увидел пленного, то от неожиданности отступил назад. Мальчик знал, что лётчики самые сильные и здоровые люди на свете. А этот человек был похож на высохшую ветку. Жёлтый, скрюченный, худой. Трудно было представить, что живые люди могут быть такими замученными.

Лётчик сидел у печки и надевал сапоги Сашиного отца, а рядом валялись мокрые обрывки кожи и верёвок, которые нельзя было даже назвать обувью. На острых плечах его висела старенькая, но целая куртка старшего брата Саши, недавно ушедшего к партизанам.

«А ведь староста припёрся бы сюда, не пойдёшь я к нему. Что бы тогда было с лётчиком?» — подумал Саша.

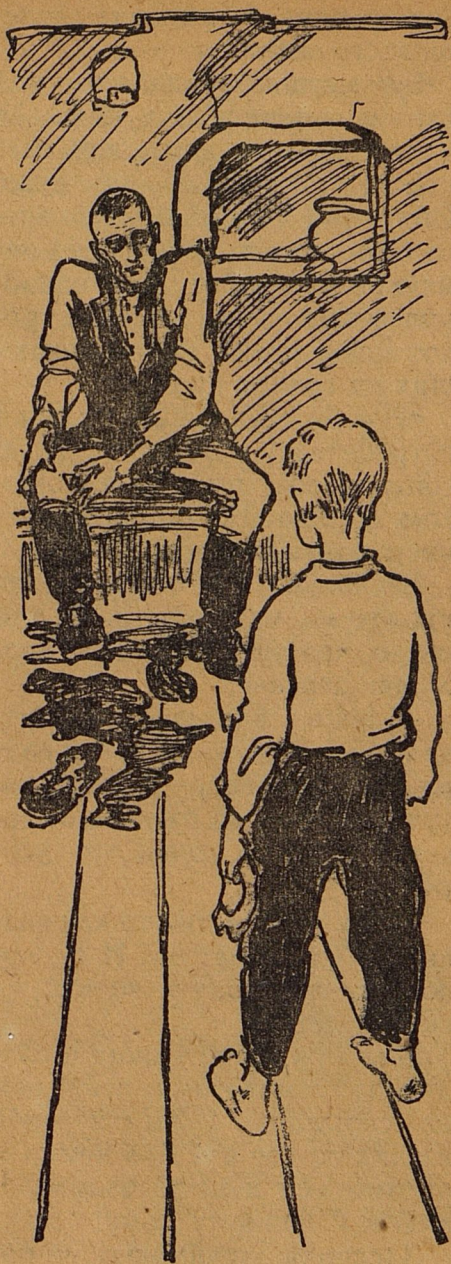
— Спасибо, хозяйка. Сейчас пойду, — сказал пленный.

— Что ты, что ты! Среди бела дня. Кругом фрицы шныряют.

— Немцы же не стоят в вашей деревне.

— Ну и не забывают! Другой раз день-деньской бродят, выглядывают, что ещё поотнять. Да на работы людей гоняют.

Самовар вскипел, и лётчик пил чай, а хозяйка смотрела на

него и тихонько плакала, вытирая глаза концом платка.

Саша забыл, что ему хотелось есть, и, не отрываясь, глядел на лётчика. До чего измученный... Что с ним делали? Саше было страшно думать об этом. Вот, оказывается, что

значит плен. Вот до чего довёл этого лётчика.

Гул самолёта раздался над самым домом. Саша подошёл к окну и сквозь давно немытые стёкла посмотрел на небо. Опять гад летает! Больше всего Саша теперь ненавидел немецкие самолёты. Его приволил в бешенство ноющий рокот мотора, вид поблёскивающих на солнце крыльев.

«Вот бы сейчас подняться на истребителе! Догнать гада, сбить, чтобы шмякнулся брюхом о землю!» — с наслаждением подумал Саша.

Несколько мессершмиттов пролетели над домом. И так низко, что чуть не задели верхушки деревьев.

— Ишь, разлетались, проклятые... — сказала Александра Никифоровна. — Построили тут аэродром за озером и носятся цельный день, что угорелые.

— Ах чёрт, летят-то как низко! Хоть пулемёт бы. И то, пожалуй, скovyрнуть можно, — сказал лётчик.

Мальчик стоял у окна и следил за самолётами, пока они не скрылись. Потом перевёл взгляд на дорогу. Два немца с автоматами шли по направлению к Сашиному дому.

Заслоняя собой окно, не поворачивая головы, Саша сказал:

— Фрицы идут. Мама, схорони его. Скорей, скорей!

Лицо Александры Никифоровны стало суровым, будто она только что и не плакала. В сених спрятать лётчика нельзя. Каратели всегда долго

рыщут в сених. Видно, считают, что именно здесь хозяева прячут партизан или какие-нибудь ценные вещи.

Пока немцы будут топтаться в сених, лётчик успеет уйти через окно. Александра Никифоровна слегка дёрнула раму. Да, в случае надобности окно сразу откроется. А сейчас пускай так, не надо привлекать внимание немцев. Она быстро отвела пленного от опасного места перед окном и осмотрелась, решая куда бы его посадить.

А фашисты приближались. Саша уже различал их лица. Времени терять нельзя... Он выскочил в сени, вынул из ящика гранату, крепко зажал в руке. Потом чуть приоткрыл дверь на крыльцо.

«Как только они в калитку, брошу гранату прямо с крыльца», — подумал Саша. — И потом с лётчиком в лес. И мама тоже».

Саша знал, что его отец как раз сегодня ночью понёс партизанам продукты. Значит, можно будет найти отца в лесу и всем вместе остаться у партизан...

Солдаты остановились, глядя на скотный двор. «Зачем стоят, лучше шли бы скорее... — думал Саша. — Вот опять идут!»

Он крепче сжал гранату и, прижавшись плечом к косяку, открыл дверь чуть пошире. Она громко скрипнула. Оба немца разом повернули головы.

И вдруг из ворот скотного двора выехал грузовик. Не-

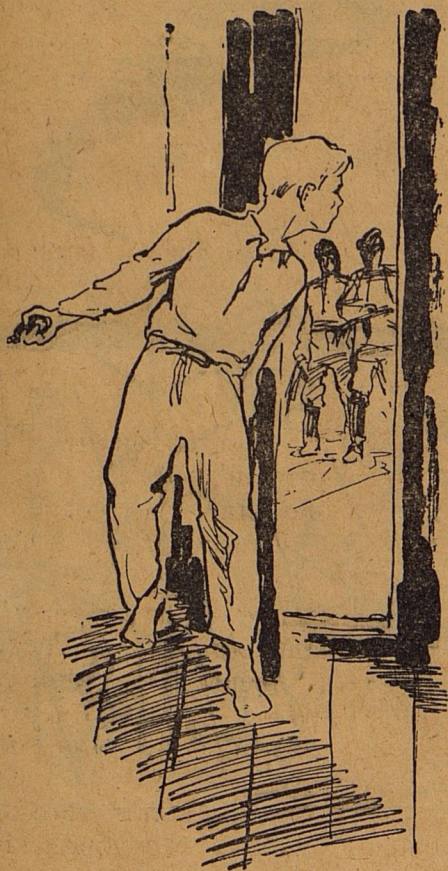
сколько фашистов сидели в кузове и придерживали тёлку, которая покачивалась и приседала на ухабах.

Немцы, стоявшие на дороге, помахали грузовику, он подкатил к ним и остановился. Один из них сел в кабину, другой в кузов. Машина помчалась по дороге и вскоре скрылась за поворотом.

— Фрицы-то не к нам вовсе, а на скотный! — весело крикнул Саша, вбегая в комнату с гранатой в руке.

И тогда лётчик крепко обнял Сашу, посмотрел ему в глаза и медленно проговорил:

— Хочу запомнить, какой ты есть. На всю жизнь. Понимаешь?

ОНИ спустились с обрыва и пошли по берегу озера между густыми деревьями и кустами, и первые жёлтые листья падали к их ногам. За спокойным тёмным озером, на противоположном берегу виднелась почти чёрная полоска леса, за которым, как знали мальчики, был немецкий аэродром.

Саша и его друг Костя шли молча, осторожно, стараясь не шуметь. Пройдя густые заросли, они остановились возле обрыва. Здесь, под корнем большого дерева, был спрятан прикрытый ветками ручной пулемёт, найденный мальчиками в окопе, далеко от деревни. Здесь, в тайнике, был целый склад, понемногу и терпеливо собранный двумя друзьями. Мины, патроны. И граната, которую Саша отыскал в тот день, когда приходил пленный лётчик.

Всё это мальчики собирали для партизан. Сашин отец обещал передать отряду подарок от ребят. Может быть, даже сегодня ночью всё переправят к партизанам. И потому Саша с Костей принесли припрятанные дома патроны и брезентовый мешочек с диском для автомата. Пригодится!

Над озером летали два мессершмитта.

— Хозяйничают! Ох, невтерпёж глядеть на них! — сказал Костя.

Саша молча раскидал ветки и достал пулемёт из тайника. Всё в порядке, диск заряжен — сорок семь патронов.

— А какая дальность боя? — спросил Костя.

— Тысяча пятьсот метров, — сказал Саша. И вдруг сердце у него застучало так, что стало трудно дышать.

А что если... Он повернул голову и, сощутив глаза, следил за поблёскивающим над озером самолётом.

«Тысяча пятьсот, — повторил про себя Саша. — Конечно, пуля достанет».

Он взял пулемёт и потащил к берегу озера. Удивлённый Костя бросился за ним:

— Куда ты, зачем? Ещё заметят!

Саша установил пулемёт под высоким кустом. Подмигнул Косте и сказал:

— Зенитчики, по местам! Слушать команду: огонь по вражескому самолёту!

Костя засмеялся. Он был рад, что Саша такой весёлый,

даже шутит. С первого дня войны Костя не видел таким своего старшего друга.

Со стороны аэродрома показались два самолёта. Они сделали широкий круг над водой, потом ещё один. Саша прицелился. Но мессершмитты взяли круто вверх и поднялись над деревней.

«Значит, Сашка всерьёз затеял. — У Кости похолодела спина. — Опасно! Услышат выстрелы, найдут кто стре-

лял». — Но Костя только посмотрел в глаза друга и спросил:

— Не промахнёмся?

— Нельзя промахнуться. Решили подбить, значит, всё. Перво-наперво спокойно целиться, не спешить... Отомстим за всех наших и за того пленного лётчика тоже. Да? Добрался он к партизанам, как думаешь?

— Ясно добрался. Не может не добраться!

Повернув голову, Саша заметил справа над обрывом, за ветками густой ели, толстую старуху — мать полица из соседней деревни. В это время над озером послышался гул нового самолёта.

«Плохо дело. А в общем, пускай видела... Будь что будет!» — подумал Саша.

Старуха торопливо засеменила к дому старосты.

Мессершмитт стремительно шёл прямо на мальчиков. Костя судорожно глотнул воздух:

— Сашка, готовься!

Саша поднял голову, погрозил самолёту кулаком:

— Хватит тебе летать, гад! Каюк тебе сейчас, слышишь? — громко сказал он.

Шум мотора превращался в оглушительный рёв. Обхватив рукой шейку приклада, Саша прижал предохранитель и нажал спусковой крючок. И сразу отпустил. Рано, ещё рано. Эх, зря погорячился!

— Дай я! — крикнул Костя. Он отодвинул Сашу и выпустил короткую очередь.

Самолёт был уже почти над

мальчиками. Вот уже видно шасси.

— Мимо, мимо ты! Упустим. Лучше я! — закричал Саша.

От волнения у Кости вспотели ладони. Тогда, чтобы не погубить дела, он отвалился от пулемёта, уступая место Саше. В это время самолёт дрогнул и повернул в сторону аэродрома. Теперь мессершмитт был уже прямо над мальчиками и летел так низко, что Саша видел чёрную свастику и круг вращающегося пропеллера.

Огнедышащий ствол пулемёта задрожал, точно живой. Тяжело переводя дыхание, Саша напряжённо следил, как самолёт накренился на крыло, потом выпрямился и, всё ниже и ниже спускаясь к воде, полетел над озером.

Ещё очередь. На тебе! Все пули до одной, без остатка!..

Вытянувшись во весь рост, мальчики смотрели, как самолёт скользил над самой водой, а потом над противоположным берегом озера. Выпуская тяжёлые клубы чёрного дыма, он врезался в темнеющую полосу дальнего леса.

Над обрывом послышались голоса. Костя схватился за пулемёт и прошептал:

— Кто-то идёт!

Они подняли пулемёт и, спотыкаясь, добежали до тайника, положили под корни дерева. Торопливо набросали веток, поминутно оглядываясь на обрыв.

— Почудилось, никого нет, — сказал Костя.

Всё же они бросились бежать.

Саша продирался первым сквозь густую зелень, не чувствуя, как ветки царапают ему руки, открытую грудь. Задуманное выполнено. Теперь никто уж этого не изменит!

Он вышел на открытое место. И вдруг прямо перед собой увидел, как с крутого обрыва, хватаясь за стволы деревьев, чтобы не упасть, сбегал староста. А на краю обрыва стояла толстая старуха, мать полиция...

Костя ещё не успел выйти из зарослей. Саша негромко сказал:

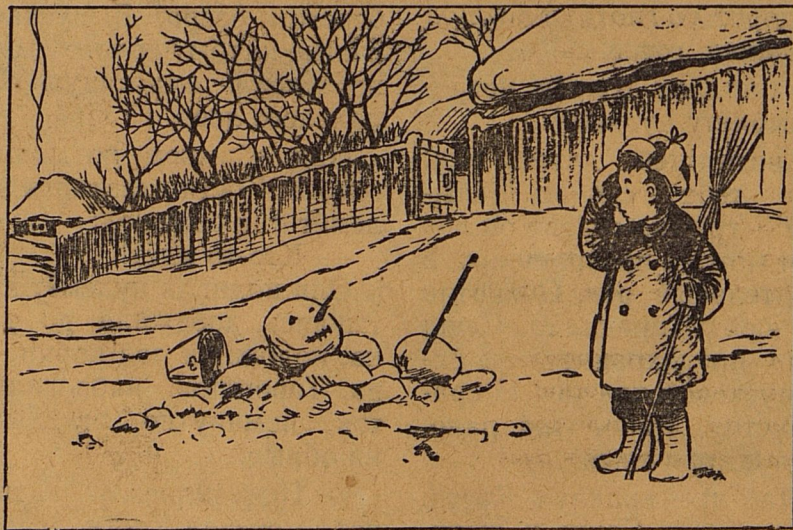
— Не выходи, беги отсюда!
Он услышал, как затрещали

ветки за его спиной, а потом всё стихло. Саша остался стоять на месте. Бежать не было смысла. Запыхавшийся староста уже в нескольких шагах. Всё равно придётся отвечать. Костя не виноват, мал ещё, чтобы отвечать. Он, только он один, Саша, был вожаком в этом деле. Он и ответит.

Когда староста подошёл, Саша почувствовал озноб. Не надо это показывать. Не надо думать, что будет дальше. Что бы ни случилось, а теперь никто дела не изменит. Самолёт сбит. Что будет, то и будет. Пускай. А самолёт сбит, сбит, сбит!..

Где второй мальчик?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Сломал Сергей снеговика.
Как отыскать озорника?

Баллада о политруке и колоске

Страницы повести военной
листают память.

Боль остра.

Я снова,
друг мой неизменный,
Сижу с тобою у костра.

От взрыва
вздрагивают ели,
меня бросает
в пот и дрожь,
а ты,
в прострелянной шинели,
беседу не спеша ведёшь.

В руках не книга,
не газета —
обыкновенный колосок.
Мы ждём тревожного рассвета,
в багровом зареве восток.

А ты нам всё
про колос этот,
что он гранёный,
сортовой,
созрел на родине поэтов,
в полях Смоленщины родной

И почему так неторопко
ты говоришь о колоске?
О колоске, который робко
мерцает звёздочкой в руке.

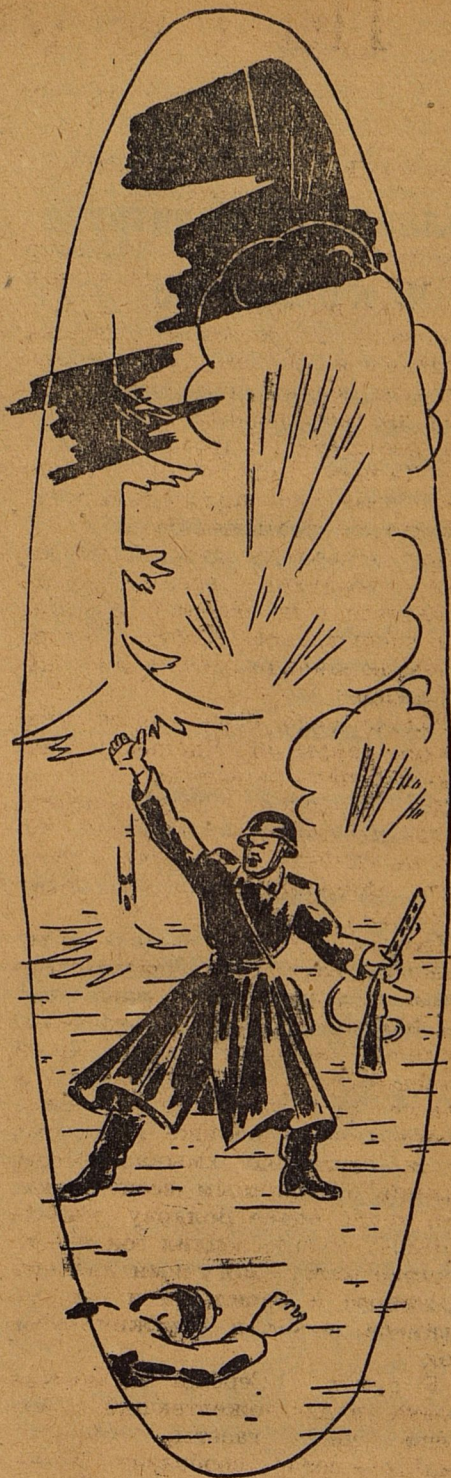
— Хорош? —
Солдаты присмирели.
Горят глаза,
теснее круг.
Они не спали и не ели
и ждут,
чем кончит политрук.

А ты,
волнения не пряча,
открыл,
что в сердце приберёг:
— Даю вам мирную задачу —
посеять этот колосок.

Посеять там,
где он родился,
где рос и зрел,
где принял бой. —
И полк на запад устремился,
пошёл в атаку, за тобой.

...Война тебя не пощадила.
И где могила —
не найдёшь.
А рожь
земля опять взрастила,
из колоска —
какую рожь!

Рис. А. Косенко

По следам героя

(ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК)

ЗАГАДКА ПОЖЕЛТЕВШИХ СТРАНИЦ

Капитан-лейтенант Владимир Петрович Пименов, дежуривший в этот день по роте, медленно прохаживался по коридору, изредка поглядывая на часы. Скоро закончится последний урок...

За дверями разных классов почти одновременно прозвучало:

— Встать, смирно! До свидания, товарищ преподаватель! И тут же прозвенел звонок.

По распорядку дня начинался «час воздуха» — время, когда оставаться в помещении нахимовцам воспрещалось. Ребята быстро надевали шинели, разбирали коньки, лыжи.

Только дверь 63-го класса оставалась закрытой. Владимир Петрович пошёл прямо туда.

Но — странное дело! — ребята были так увлечены чем-то, что никто не заметил вошедшего дежурного офицера, никто не подал команды...

Тесным кольцом сбились нахимовцы вокруг преподавательского стола. В центре круга сидел Серёжа Михайлов. Вокруг озабоченно вертелся Павлик Шамаев — самый маленький и самый озорной в классе. Ему никак не удавалось протиснуться поближе к Серёже, и он огорчённо хмыкал носом, сплошь обсыпанным веснушками. Его другу Вовке Волкову повезло больше: он просверлил головой отверстие между могучими плечами Цыганова и Васильева и чуть не ткнулся носом в Серёжин затылок.

В руках у Серёжи Михайлова Вовка увидел пожелтевший от времени лист газеты. «Фронтвая!» — сразу сообразил Вовка. И точно — на развёрнутой странице он разглядел фотографию улыбающегося толстенького мальчиш-

Вот с этой фотографии всё и началось.

ки в лихо сдвинутой набок пилотке.

На плечах у мальчишки — солдатские погоны, гимнастёрка схвачена ремнём, а на левом нагрудном кармане — медаль! Да-да, самая настоящая!

Михайлов к этому времени уже закончил чтение заметки и теперь читал подпись под фотографией:

— «Серёжа Алёшкин — воспитанник Н-ского стрелкового полка. Серёже 6 лет. Он прошёл с полком славный боевой путь».

— Сын полка! Как в книжке Катаева, — сразу засуетился Павлик. — Помните — Ваня Солнцев?..

— Сказал тоже, — перебил Павлика Цыганов. — Солнцеву двенадцать лет было, а этому всего шесть! И уже с правительственной наградой!

— Ну это ему кто-нибудь просто так нацепил... — донёсся чей-то скептический голос.

— Как это — «просто так»?

— А так. Стали парня фотографировать, кто-нибудь ему свою и прикрепил, для красоты!

— Как бы не так, — встал на защиту сына полка Волков. — Это же для газеты снимали! Какие могут быть шутки?

Вскоре разгорелся такой спор, что пришлось вмешаться Владимиру Петровичу.

— Шумом ничего не докажешь, — успокоил он класс. — А вот вы возьмите да разыщите этого Алёшкина. Есть у вас красные следопыты?

Следопытами оказались все.

ПЕРВЫЕ ЗАПИСИ

(Ведёт Вова Волков)

10 февраля 1961 года. Мне поручили вести дневник. На собрании красных следопытов все решили, что в первую очередь нужно узнать номер полка, в котором служил Алёшкин. Но как его узнать?

Павлик сказал: «Раз эта заметка была напечатана в газете, нужно писать в редакцию». Письмо сочиняли Павлик и Валерка Кабилов.

Интересно, через сколько дней может прийти ответ?..

17 февраля 1961 года. Ответа нет.

19 февраля 1961 года. Ответа всё ещё нет.

25 февраля 1961 года. Ответа всё нет, и нет, и нет...

27 февраля 1961 года. Ребята ворчат на Павлика и Валерку: послали, мол, письмо «на деревню дедушке»...

1 марта 1961 года. Ура!!!

Толя Ермолов принёс письмо!

ВОТ КТО ОН ТАКОЙ

Письмо оказалось на редкость подробным.

«В музее обороны Царицына, — сообщалось в нём, — хранится альбом «Наступательные бои на Юго-Западном фронте», подарен-

ный музеем маршалом Василевским. В нём среди других документов хранится фотография Серёжи Алёшкина и краткие сведения о нём...»

...Март на дворе, а зиме ещё и конца не видно. Метёт и метёт. Зарылись в сугробы избы, смотрят слепыми глазами на обугленные срубы. Прошёл бой через село Грынь. Пришли враги.

На краю села, у самой речки, завалилась на правый бок изба. Холодно в ней, темно. Но вот дверь в сенях заскрипела. Значит, тётя Настя вернулась.

Сергунька слез с холодной печи, протопал в старых отцовских валенках навстречу.

Тётя Настя сбросила на пол вязанку хвороста, потом долго рылась в кофтах, натянутых одна на другую, заколовшими пальцами развязывала узлы платков и, наконец, положила на стол три промёрзшие картофелины и почерневшую луковицу.

— Сейчас, Сергунька, огонь разведу, погреемся. Супца тебе сварю...

Стук в дверь прервал слова тёти Насти.

— Выходи! — донеслось с улицы.

По избам ходили немецкие солдаты. Стучали прикладами в двери и в окна, выгоняли людей на площадь. Всего лишь час назад привели враги захваченных в плен партизан. И вот уже казнь...

Тётя Настя заметалась по избе. Трясущимися руками старалась затянуть окно старым Серёжиным одеялом. Одеяло всё время соскакивало с гвоздей, и тётя Настя принималась вешать его снова и снова.

— Не пойду! Не пойду! — повторяла она. — Пусть хоть на месте убивают, изверги. Отольются им ещё наши слёзы!

Волнение передалось и Серёжке:

— Тётя Настя, а кто такие партизаны? Они немцев не боятся, да? Мамка тоже партизан? И Петька, да?

— Спи, спи, касатик, — броси-

лась к нему тётя Настя. — Никого они не боятся, партизаны...

Серёжка постепенно забылся.

Вдруг крик! Потом сразу всё стихло. Но сквозь занавешенное окно в избу проскользнул отблеск далёкого огня.

Это немцы подожгли виселицу. Яркое пламя осветило казнённых. Хорошо ещё Серёжка, что ты сидел в избе, не видел их! Среди замученных героев была и твоя мамка... И Петька, твой старший брат...

Но врагу и этого показалось мало. Вся деревня пылала теперь в огне.

Тётя Настя тащила и тащила за руку маленького Серёжку. За полем у края леса остановилась, оглянулась и, пошатнувшись, прильнула к сосне:

— Нету больше нашего села, Серёженька...

* * *

В лес пришла весна. Ёлки сушили на солнце свои мохнатые лапы. На открытых полянках пробилась

сквозь снежный покров первые подснежники, выставили на тоненьких стебельках свои голубые чашечки.

По лесу шли солдаты. Старшина Светличный шёл замыкающим. Любил он весну. Первый щебет птиц, набухающие почки... На время даже и о войне забыл, потянувшись на ходу к вербе за красным прутиком. И вдруг остановился. Что-то темнело под вербой.

Светличный подошёл ближе, наклонился. Человек! Очень маленький человек. Весь в грязных лохмотьях. На прозрачном, как снятое молоко, личике темнели слипшиеся ресницы.

Светличный просунул руки под лохмотья — сердце ещё билось...

— Товарищ командир, старшина Светличный хлопчика нашёл. Живой ещё, — радостно доложил дежурный.

Майор Воробьёв осторожно взял у Светличного ребёнка, внимательно взглянул на него:

— Немедленно капитана медицинской службы Шнайдера!

На снимке — следопыты-нахимовцы. Слева направо: Валерий Кабиров, Сергей Михайлов, Павел Шамаев, Владимир Волков, Вячеслав Васильев и Владимир Стецюк.

Фото И. Болотина

Доктор долго и внимательно осматривал мальчонку, прослушивал, стучал по спине согнутым пальцем. Наконец сказал:

— Тяжёлое истощение на почве хронического голодания, — и, словно боясь встречного вопроса, добавил: — Товарищ майор, обещаю сделать всё возможное, чтобы поставить мальчишку на ноги.

Долгие часы капитан Шнайдер и фельдшер Вася Тимофеев не уходили от мальчонки. И пришёл день, когда больной открыл глаза.

— Пить, — еле слышно попросил он.

— Сейчас, сейчас, — радостно засуетился доктор. Одной рукой он бережно приподнял мальчика, другой поднёс чашку с тёплым душистым какао. — Понемножку, не торопись. Теперь всё будет хорошо. Как зовут-то тебя?

— Серёга я... Алёшкин...

ЕЩЁ ОДНА ЗАДАЧА

(Снова страницы дневника)

3 марта 1961 года. Письмо из музея здорово нас порадовало. Но одна фраза крепко нас огорчила. Самая последняя: «Дальнейшая судьба Сергея Алёшкина неизвестна». И о медали ничего неизвестно. Кое-кто по-прежнему не верит, что это его медаль. А Слесарев говорит, что во время войны всё могло быть. И в боях он мог быть, раз в действующий полк попал, и даже совершить мог что-нибудь такое... Но как это всё выяснить?..

7 марта 1961 года. Решили написать в наградной отдел в Москву. Вдруг там найдут какие-нибудь документы?

12 марта 1961 года. Ура! Да здравствует Серёжка! Вот ответ из Москвы:

«Главное управление кадров Министерства обороны СССР сообщает, что в отделе по награждению и учёту награждённых хранится приказ № 013 от 26 апреля 1943 года о награждении воспитанника Алёшкина Сергея Андреевича, 1936 года рождения, медалью «За боевые заслуги».

И СТАЛ МАЛЬЧИШКА БОЙЦОМ

...Ох и пришлось похлопотать старшине Светличному, но всё же где-то достал он сапоги тридцатого размера! Сержант Чередниченко гимнастёрку сшил. И стал Серёга солдатом.

На войне каждому дело найдётся. И Серёжке нашлось. Да какое! Самое дорогое своему воспитаннику солдаты доверили: почту. Носил Серёжка в роту письма от далёких солдатских матерей и ребят. Доставлял газеты. Во время боёв тоже в землянке не отсиживался: ползком по-пластунски таскал автоматчикам патроны, пулемётчикам воду. Да ко всему прочему, он ещё и весёлым парнем оказался: в минуты передышек то песню заведёт, то, чуть трёхрядка вздохнёт, плясать пойдёт.

Однажды бой затянулся особенно долго. Уже второй час грохотал вражеский артиллерийский налёт. Майор Воробьёв приметил ползущего с цинковым патронным ящиком Серёжку и, перекрывая раскаты, закричал:

— Алёшкин! А ну в щель! Немедленно укрыться!

Серёжка спрятался в щель. И вовремя: на позиции налетели самолёты.

На Серёжу посыпалась земля, громовой раскат ударил в уши.

Когда прошёл первый испуг, Серёжа осторожно выглянул наружу. Вокруг всё так же рвались снаряды, противно просвистев, шлёпались мины. Вот она воронка!.. Бомба упала совсем рядом с командным пунктом. Блиндаж разворочен...

Забыв про рвущиеся снаряды, Серёжа бросился к блиндажу.

— Дяденька Воробьёв! — жалобно закричал он, пытаясь найти хоть какую-нибудь щёлочку, чтобы пролезть внутрь бывшего блиндажа. Но щёлочки не было. А из блиндажа никто не отзывался. Потом Серёже показалось, что оттуда, из-под земли, донёсся стон.

И тогда Серёжа побежал. Па-

дая, ныряя в воронки, спотыкаясь о колючую проволоку и вытирая на бегу слёзы, он бежал и бежал. Туда — на левый фланг второй траншеи!

— Дяденьки сапёры! — закричал он, вкатываясь в землянку. — Командирский блиндаж завалило. Скорее, дяденьки!

И он снова бежал под огнём. А за ним также в полный рост бежали сапёры.

Из-под развалин блиндажа сапёры достали командира. Он был тяжело ранен, контужен. Серёжка провожал его до медсанбата.

* * *

А несколько дней спустя Алёшкин и сам снова попал к капитану Шнайдеру. Толком он и не помнил, как это произошло.

Шёл бой под хутором Котельниково. Опять такой же, как тогда, артобстрел. Серёжка полз к старшине Светличному. На боку у него была фляга с водой. Ремень тяжёлой патронной сумки резал плечо. И вдруг что-то ухнуло, больно ударило по ноге. Серёжка потерял сознание.

Очнувшись, он увидел мерцающую под потолком маленькую лампочку. Рядом с его койкой сидел дяденька Воробьёв.

— Больно? — спросил он.

— Больно, — тихо ответил Серёжка.

— Ничего. Потерпи, сынок. Доктор говорит: поправишься. А в тыл я тебя не отправлю. Ты же один у меня... И я на всём свете один... Никого у меня больше не осталось. Вот так и будем мы теперь с тобой вдвоём, вместе.

ДАЛЬШЕ СНОВА НЕЯСНО

(Дневник продолжается)

14 марта 1961 года. Письмо из Москвы заканчивалось уже знакомой нам фразой: «Никаких сведений о дальнейшей судьбе гражданина Алёшкина в архиве Министерства обороны нет...»

А нам теперь эти сведения ещё больше необходимы. Что стало с Серёжкой дальше, после войны?..

— Наверняка пошёл в суворовское училище, — сказал Павлик. — Как Ваня Солнцев.

5 апреля 1961 года. Ответили уже почти все училища, а о Серёжке так ничего и не известно.

7 апреля 1961 года. Филимонов предлагает написать в село Грынь. Оно, наверняка, вновь отстроено. Но остался ли в живых кто-нибудь из Серёжкиных родственников?

ПИСЬМО ИЗ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

«Дорогие ребята-нахимовцы! Ваше письмо попало ко мне. Я — Иван Андреевич, старший брат Серёжи.

Всего нас было четыре брата. Мы с Андреем всю войну на фронте провели. Пётр погиб вместе с матерью, когда немцы всю нашу деревню сожгли, а жителей перестреляли за помощь партизанам. Мало кому удалось в лесу спастись...

Серёжу нашего в лесу бойцы подобрали. С ними дошёл он до самого Висленского плацдарма, до города Люблина в Польше дошёл.

Полковник Воробьёв его усыновил и послал учиться в Тульское суворовское училище.

Сейчас он жив и здоров. Недавно карточку прислал. Учится он на прокурора в городе Харькове».

НА ПРОВОДЕ — ХАРЬКОВ

В дверь комнаты командира 6-й роты осторожно постучали.

— Войдите! — отозвался Владимир Петрович Пименов.

На пороге показались нахимовцы Волков и Цыганов.

— Товарищ капитан-лейтенант, разрешите уволиться до 17 часов 30 минут, — чётко отрапортовал Волков.

Пименов посмотрел на часы, спросил:

— Куда идёте?

— На почту, товарищ капитан-лейтенант.

— И вы, Цыганов?

В суворовское училище пришла Серёже посылка от однополчан.

— Так точно.

— Разрешаю.

Нахимовцы твёрдым шагом проследовали по коридору, спокойно спустились с лестницы, но едва хлопнувшись за ними дверь училища — задали такого стрекача, что вроде и совсем не были людьми военными, — мальчишки да и только!

В 46-м отделении связи народу было немного. Возле окошечка «Междугородные переговоры» Цыганов решительно покашлял:

— Разрешите обратиться. Нам нужен Харьков.

Маленький Волков высунулся из-за его спины:

— Юридический институт. Очень, очень нужно.

Девушка выглянула из окошечка и строго посмотрела на ребят:

— Номер телефона в Харькове?

Нахимовцы растерянно переглянулись:

— Мы не знаем... — На их лицах было написано такое отчаяние, что девушка сжалилась:

— Попробую соединить. Ждите...

Круглые часы на стене отсчитывают минуты. Прыгает с деления на деление стрелка.

— Кто вызывает Харьков? Пройдите в первую кабину.

Вовка первым хватает трубку:

— Алло! Это институт?

В трубке пощёлкивание:

— Диспетчер учебной части у телефона.

— Алло! Товарищ диспетчер учебной части, скажите, пожалуйста, у вас учится Серёжа Алёшкин?

Цыганов щиплет Волкова за локоть и шипит:

— Студент Сергей Андреевич Алёшкин, — повторяет Волков.

— Сейчас посмотрю, — трубка некоторое время молчит. Потом... как ушатом холодной воды: — Студента Алёшкина у нас нет.

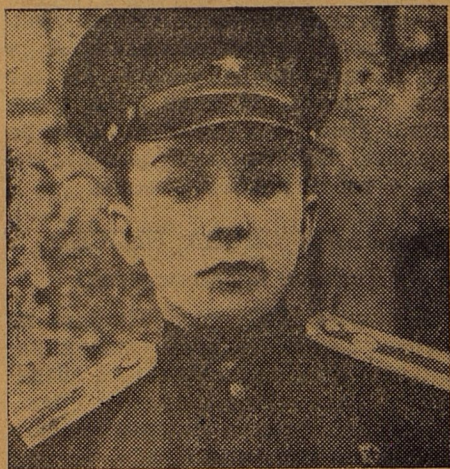
Вовка застывает с открытым ртом. Рука с трубкой медленно опускается. Её подхватывает Цыганов.

— Говорит нахимовец Цыганов. Нам нужен студент Сергей Андреевич Алёшкин, бывший воспитанник полка.

— Воспитанник полка? — переспрашивает трубка. — Так бы сразу и сказали. Такой есть. Только не Алёшкин, а Алешков...

КТО ОШИБСЯ?

9 апреля 1961 года. Всё шло так хорошо и вдруг... Кто же ошибся? В газете — Алёшкин, в Харькове — Алешков, на письме Ивана Андреевича подпись неразборчива. Решаем писать в Харьков — Алешкову.

Подрок суворовец!

КОНЕЦ ВСЕМ ЗАГАДКАМ

«4 июня 1961 года.

Дорогие ребята-нахимовцы!

Извините, что задержался с ответом: сдавал государственные экзамены. Получил три пятёрки и одну четвёрку. Теперь я — прокурор.

Вы интересуетесь, как же сложилась моя жизнь? Я считаю, что хорошо.

После войны, по приказу генерала Чуйкова, я был направлен в Тульское суворовское училище. Из полка часто приходили туда письма, однополчане радовались моим успехам в учёбе. А на летние каникулы я уезжал к полковнику Михаилу Даниловичу Воробьёву, ставшему моим отцом.

Десять лет пролетели незаметно. Много приобрёл я военных знаний. Вот только здоровье стало у меня пошаливать, видно, сказались перенесённые в детстве лишения.

Мечтал я стать офицером, но врачебная комиссия посоветовала оставить службу. «Ну что ж, — подумал я, — офицером можно быть и на фронте мирного труда. Можно стоять на страже советского закона». Я пошёл в Харьковский юридический институт. А теперь и институт позади.

Теперь ожидает меня новая жизнь, интересная работа!

Мне предлагали остаться в Харькове или по состоянию здоровья ехать на работу в Крым. Но я выбрал Челябинск. Там живёт и трудится на партийной работе самый дорогой мне человек — полковник в отставке Михаил Данилович Воробьёв, любовь к которому я пронёс через все годы.

Вот и вся моя история.

Желаю вам хороших успехов в учёбе, расти смелыми, мужествен-

Позади долгие годы учёбы. Сегодня юрист Сергей Алешков стоит на страже советской законности.

ными, настоящими офицерами великой страны!

Сергей Алешков»

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА

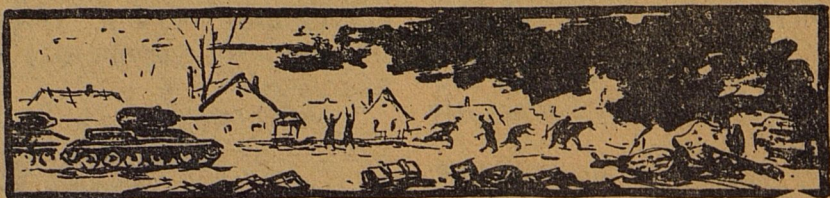
16 июля 1961 года. Вот и разгадан секрет снимка из фронтовой газеты.

Музей артиллерии просит нас передать ему все собранные материалы для открытия стенда Сергея Алешкова. Значит, наши поиски имеют гораздо большее значение, чем мы думали. Значит, сделали мы полезное дело. Это тоже радует.

А нераскрытых тайн ещё много. Мы их ещё не одну раскроем. На то мы и красные следопыты.

Материал о поисках Сергея Алешкова собрала Вероника РОДИОНОВА

Военный трофей

Под оконцем старой, закоптелой бани весна, согнав снег, оставила небольшую лужицу. Погожими днями в ней ясным огнём горело солнце, разбрызгивая отражённые лучи. Дед Роман жмурился, но не отходил от оконца. Жадным ухом ловил он звон капелей, птичий щебет и дальние раскаты грома, которые день ото дня приближались, становились слышнее.

— Ко времени гроза-то! — шептал он в бороду. — На дворе весна — скоро сеять...

Однажды под оконце прилетела ласточка. Пулей пройдя над лужей, она прочертила кончиками крыльев тонкий пунктир на воде, повернула обратно и с лёту упала на землю, побежала у самой воды, печатая трехпалыми лапками затейливый след. Побегала взад-вперед, как бы примеряясь, потом зачерпнула клювиком жидкой земли и исчезла. А минуту спустя явилась опять.

— Гнездо строит, — догадался дед Роман. — Ну и правильно! Чихать ей на войну...

Двое суток, не умолкая, гре-

мело на востоке. Гул, нарастая, приближался. Огненный вал катился на Понизовье, которое совсем недавно гитлеровцы считали своим глубоким тылом.

И накатился. На рассвете третьего дня в деревню влетели четыре советских танка.

Опалив Понизовье, фронт покатился дальше на запад, гремя, полыхая пожарами. Из чуланов, погребов и сараев люди перебрались в дома, заткнули подушками пустые оконные рамы и стали жить.

Уже на следующее утро, истопив печку, Прасковья разыскала где-то лопату и принялась вскапывать огород. Глядя на неё, поспешили на свои огороды и другие женщины. Как после тяжёлой болезни, начала оживать деревня.

Однажды к деду Роману пожаловала женская делегация.

— С просьбой к тебе, Кузьмич, — повела разговор Прасковья. — Судили мы тут промеж себя и порешили, что пахать-сеять всё же придётся. Берись, дедушка Роман, за молоток, ладь плуги...

— Умная ты женщина, Прасковья, а несёшь чушь, — ответил дед Роман. — На чёрта они сдались, те плуги, когда запрячь некого. На коровах, что ли, пахать собираетесь? Или на себе?

— Угадал, — кивнула Прасковья. — На коровах и на себе. А куда ж ты денешься? Жди, пока тебе трактор пришлют... Весна-то не ждёт. Бери в подручные моего Лёньку и приступай.

За длинный свой век дед Роман каких только нужных вещей не перековал! Мастерил он и серпы и ухваты, оковывал железом тележные ободья, сваривал оси. Доводилось ему не только ремонтировать плуги, но и новые делать. Откованные Романом лемеха когда-то на всю округу славились.

Но никогда ещё старому кузнецу не приходилось налаживать плуги под людскую упряжку. И никогда ещё не было у него такого молотобойца, как тринадцатилетний Лёнька Мотылёв.

— Будем лемеха покруче ставить, — делился кузнец. — Оно, конечно, захват будет не тот и глубина пахоты не та. Зато легче. Человек не конь. По человеку будем ладить плуги. Понял?

Лёнька помалкивал, кивал. Очень ему нравилось, что дедушка Роман делится с ним своими мыслями, как с равным. Вроде даже иногда советуется.

Кувалда, которой предстояло Лёньке работать, поначалу

показалась совсем не тяжёлой. Немного понимал он в кузнечном деле!

— Бить будешь по команде ручника — ручного, значит, молотка, — пояснил кузнец. — Следи внимательно: где я ручником коснусь, туда и лупи кувалдой.

Ручник деда Романа стал для Лёньки сущим наказанием. Ткнёт легонько в раскалённое железо, отскочит, задрезжит на наковальне, снова ткнёт... А Лёньке тем временем надо замахнуться и, навалившись грудью, ударить. А главное — надо успеть, чтобы в такт шло, чтобы музыка получалась: «Бух!.. Тук... Т-р-р... Бух!.. Тук... Т-р-р...»

Обливаясь потом, всей душой ненавидя ручник, Лёнька бил тяжёлой кувалдой и ждал только того момента, когда железо остынет и дед Роман понесёт его в клещах снова разогревать. Тогда Лёнька вытер пот с лица и маленько отдохнёт. По секрету от кузнеца он подует на ладони, которые горят нестерпимым жаром. На них сперва налились волдыри, потом волдыри полопались, но острая, саднящая боль осталась.

День и другой машет Лёнька кувалдой. Начал уже привыкать, втягиваться.

А по дороге грузовики на фронт идут, пушки, танки.

Пришла и в Понизовье танковая часть. Встала на отдых. Недавно просохшая деревенская улица мигом покрылась отпечатками гусениц. Танкисты завели машины на задвор-

ки, укрыли их маскировочными сетями, потом расквартировались в деревне. В Лёнькиной избе-пятистенке разместился штаб. Застрекотала пишущая машинка, у крыльца встал часовой с автоматом.

Вечером в штаб зашёл дед Роман. Бороду свою он тщательно расчесал, немецкую пилотку надел на русский манер — чуть набок.

Деловито отстранив часового, дед Роман объяснил:

— К самому иду. По важному и секретному делу. Понял? На месте командир-то?

Полковник встал из-за стола, поздоровался с дедом Романом за руку и, усадив его на лавку, спросил:

— Чем могу служить?

— Беспорядок, товарищ командир, — начал дед. — Немцы в панике утопили в речке свою «Тигру». Ну да на то они и немцы, чтоб паниковать. А нам не гоже оставлять в ре-

ке военное имущество. Велика послать танк, чтобы, значит, на буксире вытащить.

— Зачем тебе, дедушка, трофейный танк? — улыбнулся полковник. — В хозяйстве вроде бы ни к чему такая вещь...

— А затем, что в той «Тигре» тыща лошадиных сил, а может, и всех две тыщи. А мы на бабах пашем. Понял?

— Понял! — чётко ответил полковник.

На следующий день сцепом из двух боевых машин на толстом стальном тросе танкисты вытащили из реки «Тигра». Механики осмотрели трофейную машину и через час-полтора запустили мотор. Водитель, старшина Усов, прокатился на «Тигре» по деревне.

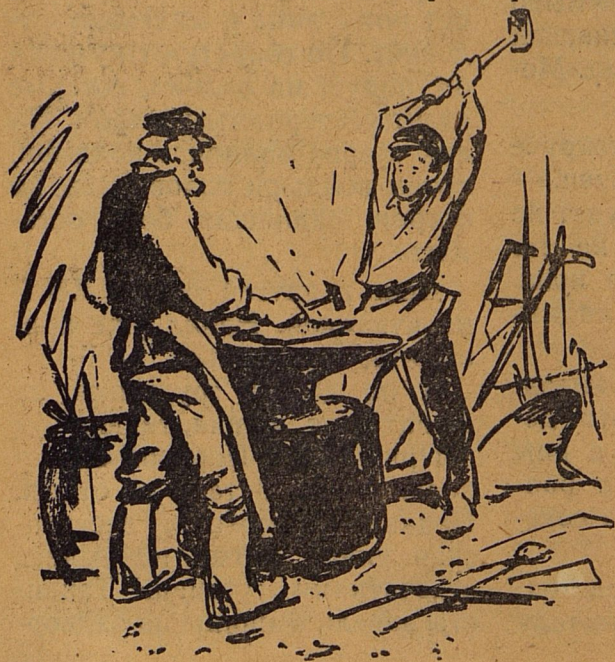
— Пахать будет как зверь! — сверкнув улыбкой, сообщил он. — Пойду к командиру проситься к вам на временную работу. Возьмёте трактористом?

— Возьмём! — солидно сказал Лёнька.

...Женщины в поле ничего не знали о затее кузнеца. Заслонясь от солнца, они с удивлением глядели на чудовище, которое шло прямо на них. На броне его важно восседали дед Роман и Лёнька.

Когда танк остановился, дед Роман приказал:

— Вы прыгайтесь, товарищи женщины! Хватит! Пусть «Тигра» пашет. На то она

и животная. Сделали её из крупповской стали для смерти. А мы с Лёнькой для жизни переоборудовали. Видите, и переделка-то пустяковая.

Женщины увидели позади танка укреплённую на железных тягах поперечину — бревно с крючьями, за которые были прикреплены тросы различной длины.

— Тащи плуги, ставь гребёнки на самый верхний зуб, чтоб лемеха поглубже зарывались, — распорядился дед Роман.

Прицепили четырнадцать плугов. Дед Роман поднял руку, потом резко опустил и скомандовал Усову:

— Малый вперёд!

«Тигр» легко тронулся, пошёл. Дед Роман подбросил первый плуг, вонзил его лемех глубоко в землю и оглянулся. То же сделал Лёнька. За Лёнькой повторили этот приём двенадцать женщин. Тросы натянулись, как струны.

— Музыка! — засмеялся дед Роман.

Четырнадцать свежих борозд побежали по полю. Пахари, держа плуги, едва поспевали за ними. А сзади, как и положено, выстроились в шеренгу белоносые грачи. Клюют себе червяков и не догадываются, что на них работает отвоёвывавшаяся крупповская сталь.

Ленинский холм

Это было на Кубе
в суровый год.

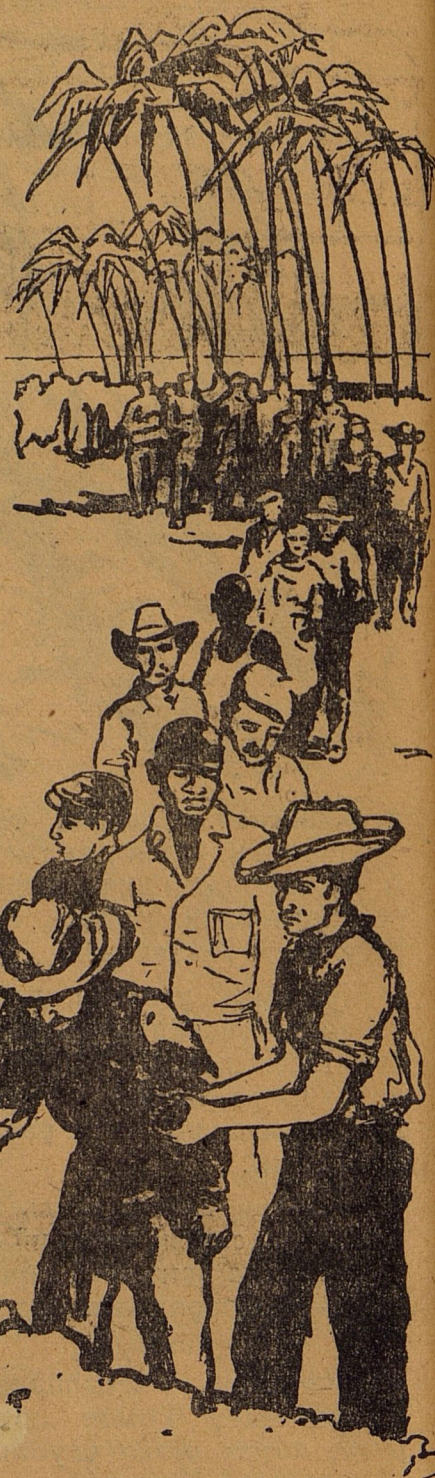
Это помнит
гордый её народ.
Зеленела волна,
и синела трава,
А за тысячи вёрст
замерзала Москва.

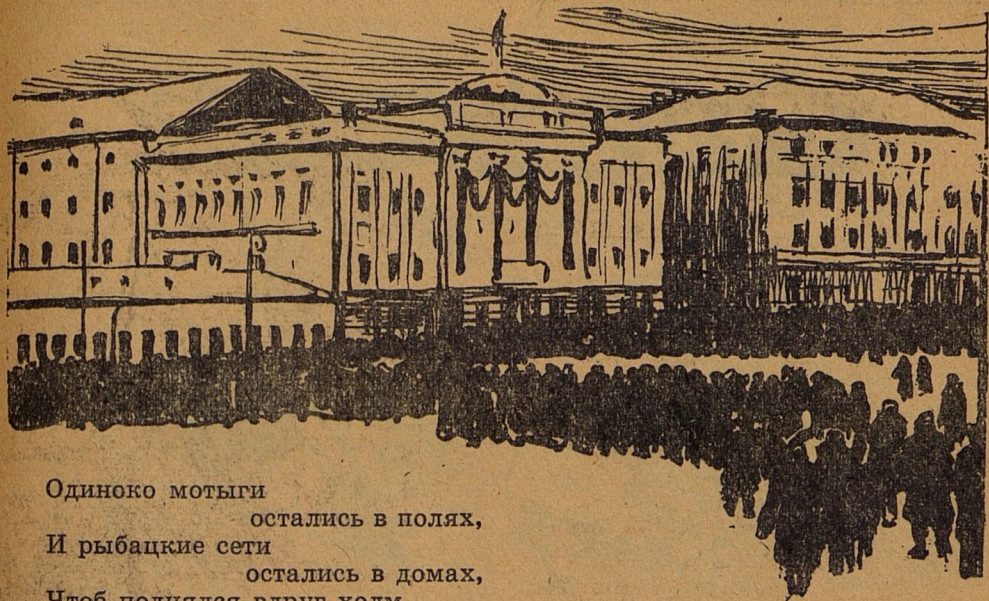
И январский мороз
был совсем ни при чём —
Было страшное горе:
прощанье с вождём.
Телеграф словно ветер
от русских берёз
Эту весть
до оливковой Кубы донёс.

Отстучал телеграф,
но стучали сердца.
И пошла эта весть
от крыльца до крыльца.
К батракам,
изнурённым тяжёлой нуждой,
К рыбакам,
иссечённым солёной волной.

Что о Ленине знали
кубинцы в те дни?
Даже имя Владимир
не знали они,
Но слышали —
плантаторов с русских полей
Он прогнал
и свободу принёс для людей.

Значит, друг он
для всех на Земле бедняков —
Это было кубинцам
понятно без слов.
И собрались они,
и на берег пришли,
И с собою
по горсти земли принесли.

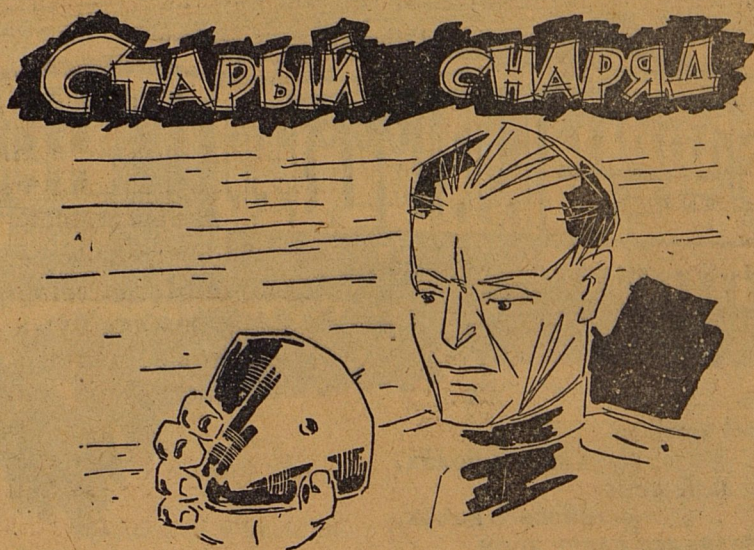

Одиноко мотыги
остались в полях,
И рыбацкие сети
остались в домах,
Чтоб поднялся вдруг холм
над родимой Землёй,
Чтоб олива над ним
шелестела листвою.

Пусть не так уж он был
и велик и высок,
Но с него
видеть родину Ленина мог
И батрак,
изнурённый тяжёлой нуждой,

И рыбак,
иссечённый солёной волной,
И, увидев Россию,
учиться могли,
Как бороться
за счастье кубинской земли.

В детском садике все испуганно повторяли новое слово «эвакуация».

Эвакуация — это значит, надо очень быстро собрать все игрушки, стать парами, как на прогулке, и уходить из своего детского сада на другую, далёкую улицу.

Вот что такое эта самая эвакуация.

Ребята не знали, зачем она нужна и почему больше нельзя играть во дворе, таком зелёном и весёлом, с качелями и песочницами. Не понимали, почему вдруг нельзя спать в привычных спальнях, кушать за своими столами. Почему непременно надо перебираться на чужую далёкую улицу, в чужой детский сад.

Но тебе я могу сказать, зачем понадобилась эвакуация.

Во дворе, таком зелёном и весёлом, нашли артиллерий-

ский снаряд. Огромный неразорвавшийся снаряд. Его забросили сюда фашисты давным-давно, двадцать лет назад, во время войны, когда здесь ещё не было этих красивых новых домов. Но снаряд не разорвался. Он только зарылся в землю, и сверху его присыпало землёй. Над ним даже трава выросла. И вот его нашли. Стали рыть яму и наткнулись на снаряд.

Надо было немедленно выселить из дома жильцов. И в первую очередь детский сад. Так уж в нашей стране повелось: если грозит опасность, сначала оберегают детей.

Пусто стало во дворе и тихо-тихо.

Только дежурный сапёр сидел на табуретке, которую кто-то заботливо поставил для него.

В ворота, гулко стуча сапогами, вошли солдаты во гла-

ве с младшим лейтенантом. У солдат были суровые лица.

— Внимание, товарищи! Будем откапывать, — сказал младший лейтенант. — А вы, товарищ водитель, пока что отойдите в сторонку.

— Есть, откапывать! — ответили солдаты и взялись за лопаты.

Вырыли большое кольцо

вокруг снаряда. Младший лейтенант командовал:

— Оставить лопаты! Всем покинуть двор!

Все ушли, а он остался со снарядом один на один.

Снаряд лежал в яме чуть накрываясь, зарывшись в жёлтый влажный песок страшным тупым носом.

Младший лейтенант положил на землю сумку с инструментом, снял ремень, чтобы легче и свободней было двигаться, и присел на корточки возле снаряда, примеряясь, с какого боку удобнее подобраться. Надо было обезвредить снаряд: отвинтить боеголовку, вырвать у змеи жало.

Но подкапываться надо было так, чтобы не сдвинуть снаряд с места. Иначе он мог взорваться.

Присев на корточки, младший лейтенант осторожно, одними пальцами начал отгребать песок, следя за тем, чтобы снаряд не осел.

Медленно тянулись минуты. Со стороны казалось, что офицер просто гладит снаряд.

Наконец нос снаряда повис над маленькой сырой ямкой.

Младший лейтенант лёг плашмя. Протянул руку.

Кончики пальцев заскользили по снаряду, ощупали легонько каждый бугорок на нём.

Вот шероховатость ржавчины...

Гладкое полированное пятно. Им заканчивается злобный нос снаряда...

Две прямоугольные дырочки... Чуткие пальцы едва их ощущают. Дырочки забиты землёй.

Младший лейтенант осторожно очищает их. Потом, не глядя, берёт из сумки инструмент — ключ с двумя шипами.

Вставляет шипы в очищенные дырочки.

Пробует повернуть ключ. Блестящая головка не поддаётся.

Пальцы осторожно, но настойчиво нажимают на ключ.

На лбу выступают капель-

ки пота. Они затекают в глаза и мешают видеть. От них солено во рту.

Пальцы жмут на ключ.

И вот ключ медленно поддается.

Легко скрипнула головка...

Младшему лейтенанту скрип показался невыносимо громким. Усилием воли он сдержал невольную дрожь пальцев и снова осторожно повернул ключ.

Когда младший лейтенант поднялся, он удивился тишине пустого двора и громкому стуку собственного сердца.

Возле его ног лежал тупоносый снаряд, он уже не представлял опасности.

Младший лейтенант отёр пот с лица и сказал негромко:

— Можно грузить.

Подошли сапёры, подняли, понесли на самосвал обезвреженное фашистское чудо-вище.

Шофёр ещё не служил в армии. Ему было всего девятнадцать лет, и он очень завидовал младшему лейтенанту.

Яму, оставшуюся после снаряда, зарыли, и детский сад вернулся из эвакуации.

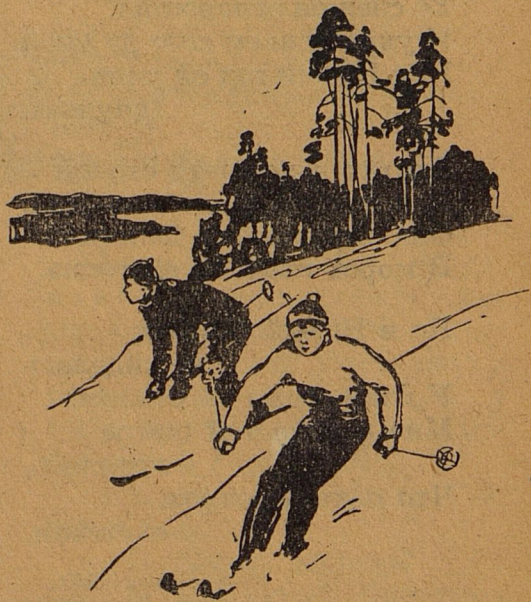
Лыжники

Глухой, короткий выстрел,
И возгласы ребят.
И вот по склону быстро
Два лыжника скользят.

Кругом флажки мелькают,
И ветер всё сильней.
А сердце подгоняет:
«Быстрее! Быстрее!
Быстрее!»

Пусть ветер, непогода —
Два лыжника скользят.
Крутые повороты,
И нет пути назад.

Вова ОШЕРОВИЧ,
5-а класс, 394-я школа

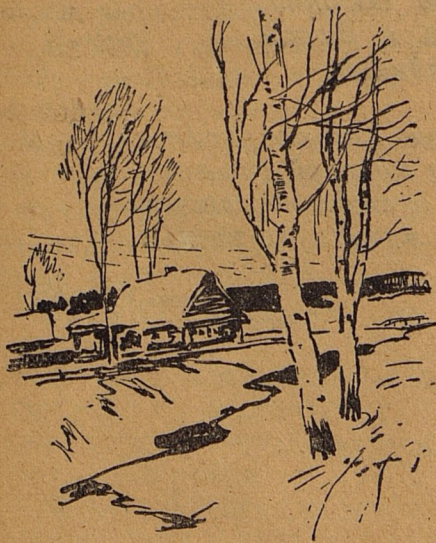
Зима

Хлёстко, весело,
бесстрашно
Снег метнула мне в лицо;
Во дворе поставив башню,
Закружилась над
крыльцом.

Прямо в окна ветра стрелы
Впились, стёклами звеня,
И в упор вдруг посмотрела
Чёрным глазом полынья.

И берёзы приподнялись
У промёрзшего крыльца.
Что-то ищут в снежной
дали,
Смотрят, смотрят без
конца.

Миша ЗИБ,
7-в класс, 243-я школа

Две сестры

Одна стояла в чаще зимней.
Её снежок запылил.
И украшеньем снег да иней
Под Новый год ей лишь
служил.

Другая в комнате стояла
И в ватном снеге вся бела.
Она игрушками блистала.
В мороз хватало ей тепла.

Но в Новый год мне
не сиделось
У ёлки, дома за столом.
Мне к ёлке той пойти
хотелось,
Что пахнет ветром и
снежком.

Лина ЗАКС,
6-б класс, 305-я школа

Рисунки В. Адаева

Ж а ж д а

*Кусты мохнатой ежевики
Сошлись к ручью на водопой,
А он стремительный и дикий
Покрылся коркой ледяной.*

*Кусты стоят как побратимы
В плену у мёрзлой тишины.
И только жажда нестерпимо
Их будет мучить до весны.*

Миша КАЛЕДИН,
ученик 9 класса 281-й школы

СЕКРЕТ СПОКОЙСТВИЯ

Шурка Огурцов, уставясь в середину парты, читал через щель явно постороннюю литературу.

«Ну и хитрюга! — одобрительно подумал Стёпа. — Сидит себе, будто делом занят...»

— Тарелкин!

Стёпа даже вздрогнул.

— Я ничего не делаю... — растерянно ответил он.

— Вот я и вижу, что ты ничего не делаешь, — спокойно сказала учительница. — На чём мы остановились?

Стёпа встал, поднял глаза к потолку. «И чего это она на меня набросилась?» — подумал он, выдерживая паузу.

— Будешь смотреть по сто-ронам — получишь двойку, — пригрозила учительница.

«Могу и не смотреть...» — вздохнул Стёпа, усаживаясь. Подперев ладонью щёку, он погрузился в созерцание царапин на крышке парты.

— Тарелкин! На чём мы остановились?

Дело принимало серьёзный оборот. Даже в деловитом молчании класса чувствовалось что-то угрожающее.

— Я тебя больше предупреждать не буду, — сказала учительница. — Садись.

«А что, если смотреть ей прямо в глаза? Может, тогда оставит в покое?...» — Стёпа сосредоточил всё своё внимание на учительнице. Отвечающий у доски что-то невнятно бормотал, затем вообще умолк.

Учительница встретила Стёпин взгляд.

— Тарелкин, исправь!

— А?! — В этом единственном звуке слились растерянность и обида.

«Что же это такое? — почти возмутился Стёпа. — Теперь-то за что?»

Учительница махнула рукой: всё ясно.

«Сейчас потребует дневник», — испугался он. Но учительница уже повернулась к классу, и Стёпа, тяжело вздохнув, полез под парту.

«Немного тесновато, но зато спокойно. Можно отдохнуть от всех тревог и волнений...»

В это время учительница отпустила одного ученика и внимательно оглядела класс.

— А где же Тарелкин? — вдруг спохватилась она.

Пришлось вылезти.

— Я авторучку искал, — пробормотал Стёпа.

Шурка Огурцов, оторвавшись от чтения, понимающе

захихикал. Уж кто-кто, а он-то знал этот приём!

— Постой-ка немного, — сказала Стёпе учительница, вызвав к доске другого, — тебе это будет полезно.

«Что же нужно делать, чтобы чувствовать себя спокойно?» — огорчённо размышлял Стёпа, переминаясь с ноги на ногу.

Вдруг он заметил, что отвечающий ошибся. «Надо же! Не знать такого пустяка!» — Стёпина рука тут же поднялась.

Ещё несколько человек подняли руки. Но Стёпа тянул свою выше всех. Он теперь стоял, весь вытянувшись вперёд, перегнувшись через парту.

Учительница упорно не замечала Стёпу. Как назло!

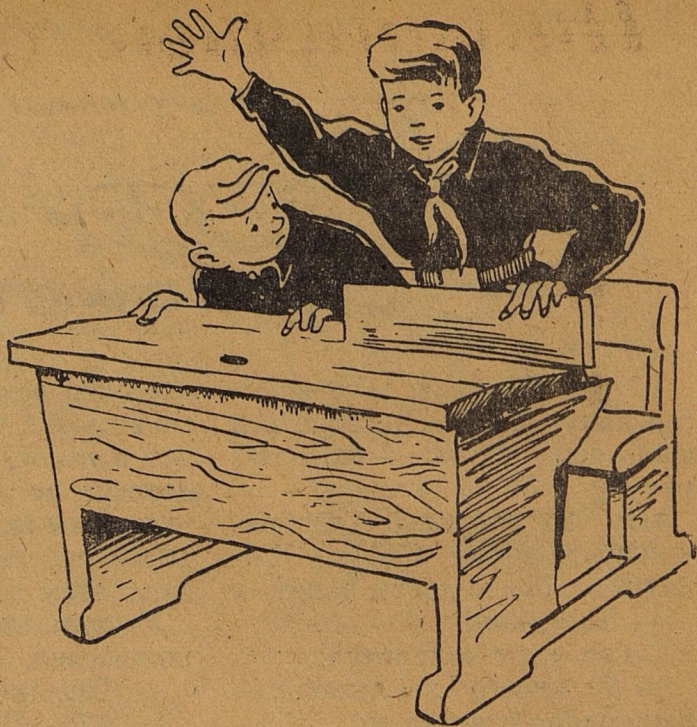
«Да что же это такое?!» — мысленно возмутился Стёпа и, не выдержав, сказал вслух:

— Можно я исправлю?

Учительница быстро оглядела класс и остановила взгляд на Шурке:

— Огурцов!

— Я ничего не делаю!.. — сразу же начал оправдываться Шурка.

— Вот именно, — подтвердила учительница. — А мы занимаемся. Иди-ка исправь на доске ошибку и решай дальше.

Шурка встал, уставился на доску и впал в задумчивость. Казалось, ещё момент, и он вспомнит, как решить задачу. Стёпа смотрел на Шурку.

— Я не знаю... — угрюмо пробурчал Шурка.

— Тогда дай дневник, — потребовала учительница. — А ты, Тарелкин, понял ошибку?

Стёпа не сразу сообразил, о какой ошибке идёт речь, и потому ответил тоже не сразу. Но ответил зато уверенно:

— Понял.

Пограничные будни

(Текст к фотоочерку на 2-й и 3-й страницах обложки)

НА ВОПРОСЫ: «Как дела? Нет ли интересных происшествий?», пограничники ответили:

— Ничего особенного. События самые обыкновенные. Служба идёт нормально.

Скромно ответили о себе эти люди тревожной профессии!

Служба — это и чистка оружия, когда солдаты, сняв гимнастёрки и оставшись в одних белых рубашках, удивительно молодеют и становятся похожими на десятиклассников. Служба — это и преследование нарушителей государственной границы, когда суровеют солдатские лица, у рта появляются упрямые морщинки, в глазах сверкает решимость. При исполнении своего долга солдаты выглядят значительно старше своих лет, на глазах раскрывается их характер.

Решительный характер у рядового Василия Киселёва! Он заставил Василия прыгнуть с мчавшегося поезда.

На остановке к Киселёву, старшему поездного наряда, подошла запыхавшаяся женщина. Она прибежала издалека.

— За поворотом неизвестный! — выдохнула она и в изнеможении опухлась на платформу.

Киселёв решил догнать нарушителя... на поезде. Когда поезд достиг места, где, по расчётам пограничника, должен находиться нарушитель, Киселёв скомандовал своему напарнику Александру Вострякову:

— Прыгай за мной! — С силой оттолкнулся от поручней, чтобы не затянуло под вагон. За ним последовал Востряков. Через несколько десятков метров они настигли нарушителя.

А вот сержанту Николаю Орлову помогла наблюдательность. Ничто не ускользнёт от его взора, он всё видит и подмечает.

Патрулировал как-то Орлов берег залива. Справа — бело-зелёная

стена зимнего леса, слева — ледяная пустыня с косыми островерхими сугробами. На льду залива чернели точки — рыбаки, закинув удочки в лунки, сидели неподвижно, показывая образцы рыболовецкой выдержки. Только одна точка шевелилась. «Озяб, что ли?» — подумал сержант Орлов. Спустился на лёд. Заметил: рыбак встал, начал прохаживаться, ударяя ногу о ногу. «Погода тёплая, все сидят неподвижно, а этот беспрестанно греется», — продолжал размышлять Орлов. Когда он подошёл к рыбаку, тот сидел и внимательно следил за поплавком. Орлов стал колесить возле лунки, стараясь ступать в следы рыбака. Что-то хрустнуло под ногой. Сержант отбросил ногой снег — показались карта и компас. В один миг навёл на рыбака автомат:

— Руки вверх!..

...А вот история с преследованием. Началась она так.

На столе у дежурного по заставе зазвонил телефон. Через несколько секунд дежурный, подняв руку к козырьку фуражки, уже докладывал, начальнику заставы капитану Владимиру Егоровичу Самостроенко:

— Звонила с переезда Валентина Вагаткина. Ею замечены двое неизвестных.

Вскоре «газик» с пограничниками и собакой Ферро мчался к месту происшествия.

Пока бывалый «газик» подсакивает на снежных ухабах и упорно прокладывает себе путь вперёд, расскажу о Валентине Вагаткиной, веснушчатой девушке с волосами цвета меди, которая за помощь пограничникам имеет несколько благодарностей.

Валентина работает на железнодорожном переезде. Её обязанности просты. Когда поезд выходит со станции и звонок, укрепленный под крышей будки, начинает звонить,

девушка опускает полосатый шлагбаум: путь автомашинам и пешеходам закрыт!

Мать Валентины, Глафира Афанасьевна, высокая пожилая женщина с обветренным, морщинистым лицом, сказала:

— Я всю жизнь на дороге. Сначала была путевой обходчицей, потом в лесу на переезде. А дочка Валентина с десяти лет со мной на линии. После школы, бывало, прибежит в будку, готовит уроки, помогает мне присматривать за поездами и людьми...

...Машина с пограничниками остановилась возле будки Валентины Вагаткиной. В глубокий снег выпрыгнули капитан Самостроенко и солдаты. Овчарка Ферро стала на след и, натянув поводок, бросилась в лес.

За инструктором с собакой бежал начальник заставы Самостроенко. Это опытный командир, семнадцать лет в армии. Службу начал солдатом.

Ни на шаг не отставал от своего командира ефрейтор Сергей Касьянов, секретарь комсомольской организации заставы.

Сергей — сибиряк, недавний десятиклассник, мечтающий после службы поступить в политехнический институт. Школьником он увлекался охотой. Ранним утром, захватив ружьё, вместе с весело повизгивающей сибирской лайкой уходил он в тайгу за зайцами. А теперь ефрейтор Сергей Касьянов охотится на более опасного зверя...

Собака то и дело отклонялась от следа — раздувая ноздри ловила встречный ветерок, приносящий запахи идущих впереди нарушителей.

Пограничники продирались сквозь заросли, бурелом, переходили вброд незамерзшие речки.

Иногда, на проталинах, след обрывался, Ферро петлял вокруг, пока, наконец, снова ни устремлялся вперёд.

Но вот собака остановилась. Кругом, куда ни посмотришь, гранитные валуны. Снег с них стаял. Следов не видно.

Капитан Самостроенко быстро принимает решение — делит свой отряд на небольшие группы. Они отправляются в обход каменной гряды. Сам капитан с ефрейтором Касьяновым, инструктором и Ферро двинулся по трудной каменистой дороге. Продвигались вперёд, прыгая с камня на камень.

Вдруг капитан остановился, кивком головы подозвал Касьянова:

— Смотри, — тихо сказал он, указывая на трещинку в глыбе гранита.

В трещинке был снег.

— Ясно?

— Так точно! На трещинку ступил нарушитель и оставил в ней снег от своего ботинка, — ответил ефрейтор.

Вперёд! Прыгая с одного скользкого камня на другой, падая и ушибаясь, продолжали свой путь пограничники.

Камни кончились, и сразу на снегу — следы, петляющие меж ёлок и сосен.

Касьянов присел на корточки, провёл рукой по следу. Рука ощутила мягкий, не успевший замёрзнуть и покрыться корочкой снежный покров.

— След тёпленький! — заметил ефрейтор.

Командир и ефрейтор внимательно изучали следы. У одного нарушителя след спрессованный. Значит, он тяжёлый, рослый. Другой тоже оставляет плотный след, но ставит ноги шире — несёт тяжёлую ношу, наверное, рюкзак!

Идти надо всё быстрее и быстрее. Начальник заставы знал — впереди перешеек, омываемый двумя бухточками. Если нарушителям удастся пройти через него, они ускользнут...

Но вот Ферро пригнулся, словно готовясь к прыжку. Капитан и ефрейтор подползли к собаке и сквозь опущенные снегом ветки ели увидели двух нарушителей, которые, прижавшись к стволу дерева, беспокойно озирались по сторонам. Один из них действительно был высокий и полный, а у другого, невысокого ро-

стом, худощавого, за спиной висел объёмистый рюкзак.

— Фасс, Ферро! — скомандовал инструктор.

Овчарка бесстрашно устремилась вперёд, а пограничники, вскочив на ноги, направили свои автоматы на нарушителей:

— Стой! Руки вверх!..

...Для Ферро, рыжеватой, рослой овчарки, эта операция была последней. Через несколько дней инструктор Анатолий Болдин вручил поводок от собаки одному местному жителю, в доме которого отныне должен жить Ферро.

Ферро, бывалый четвероногий пограничник, восемь лет безупречно прослуживший на границе, задержавший немало нарушителей, увольнялся «на пенсию». Овчарка не хотела покидать заставу. Она рвалась с поводка, жалобно скулила и такими просящими глазами смотрела на Болдина, что тот не выдержал и отвернулся.

Новый хозяин тянул за поводок, но Ферро упирался и не шёл. Тогда Болдин скомандовал:

— Марш, Ферро!

Приказ есть приказ. Его надо выполнять. И Ферро понуро пошёл за новым хозяином, то и дело оглядываясь назад.

А в это время из помещения вышел наряд пограничников с овчаркой Вирус, присланной на заставу вместо Ферро. Встав на лыжи, солдаты отправились в наряд. Капитан

Самостроенко напутствовал их с крыльца:

— Смотрите, чтобы всё было в порядке!

Н-ская застава несла службу.

М. БЕРЕЖНОВ

НА СНИМКАХ на 2-й странице обложки: сверху слева — часовые возле шлагбаума; в центральном круге — «Алло, застава?» — говорит дежурная по железнодорожному переезду Валентина Вагаткина. — Заметила двух неизвестных». Слева — тревога, пограничники берут оружие. И вот уже белыми тенями скользят они на лыжах меж ёлок (справа сверху). Командир заставы капитан В. Е. Самостроенко и ефрейтор Сергей Касьянов во время преследования (слева внизу). Овчарка ведёт пограничников по следу (справа внизу).

НА СНИМКАХ на 3-й странице обложки: капитан В. Е. Самостроенко благодарит дежурную по переезду Валентину Вагаткину, которая помогла пограничникам задержать нарушителей границы (сверху слева). Солдаты после выполнения задания чистят оружие (сверху справа). Пограничники отдыхают — играют в домино и пинг-понг (слева и внизу в круге). Внизу справа — на политзанятиях. В центре — овчарка Вирус на занятиях несёт свой поводок.

Фото Г. Сафонова

Ребята из Скобского дворца

— Чего ржёте?.. Горланы! Четверо на одного навалились, да ещё похваляются!.. — корила она, не давая никому спуска.

Тут к Фроське подошёл и сам Царь, шевеля кулаками, засунутыми в карманы штанов. Тельняшки на этот раз на нём не было, а на голой груди, возбуждая всеобщую зависть, синел недавно вытравленный якорь.

— Т-тебе чего?.. — спросил он нахмурившись.

— Ничего! — ответила дерзко Фроська, загораживая Ванюшку, готовая сцепиться и с Царём.

— Только тронь!.. — предупредила она: — Думаешь, я тебя испугалась?.. Ничуточки!.. — и она показала Царю кулак.

Была решительная минута. Все знали, что обладала Фроська-Буян задиристым, буйным характером: не любила никому ни в чём уступать и чуть что пускала в ход свои руки с острыми, как у кошки, когтями. Больше всего на свете любила она справедливость. Стояла Фроська горой за обиженных.

Но ребята знали и властный характер Типки. Он тоже не

имел привычки никому уступать и в гневе был несдержан и страшен. Не задумываясь, мог пойти на всё. Все ребята вопросительно смотрели на Царя. Но Царь, прищутив глаза и по-прежнему шевеля кулаками в карманах штанов, не спешил, загадочно молчал.

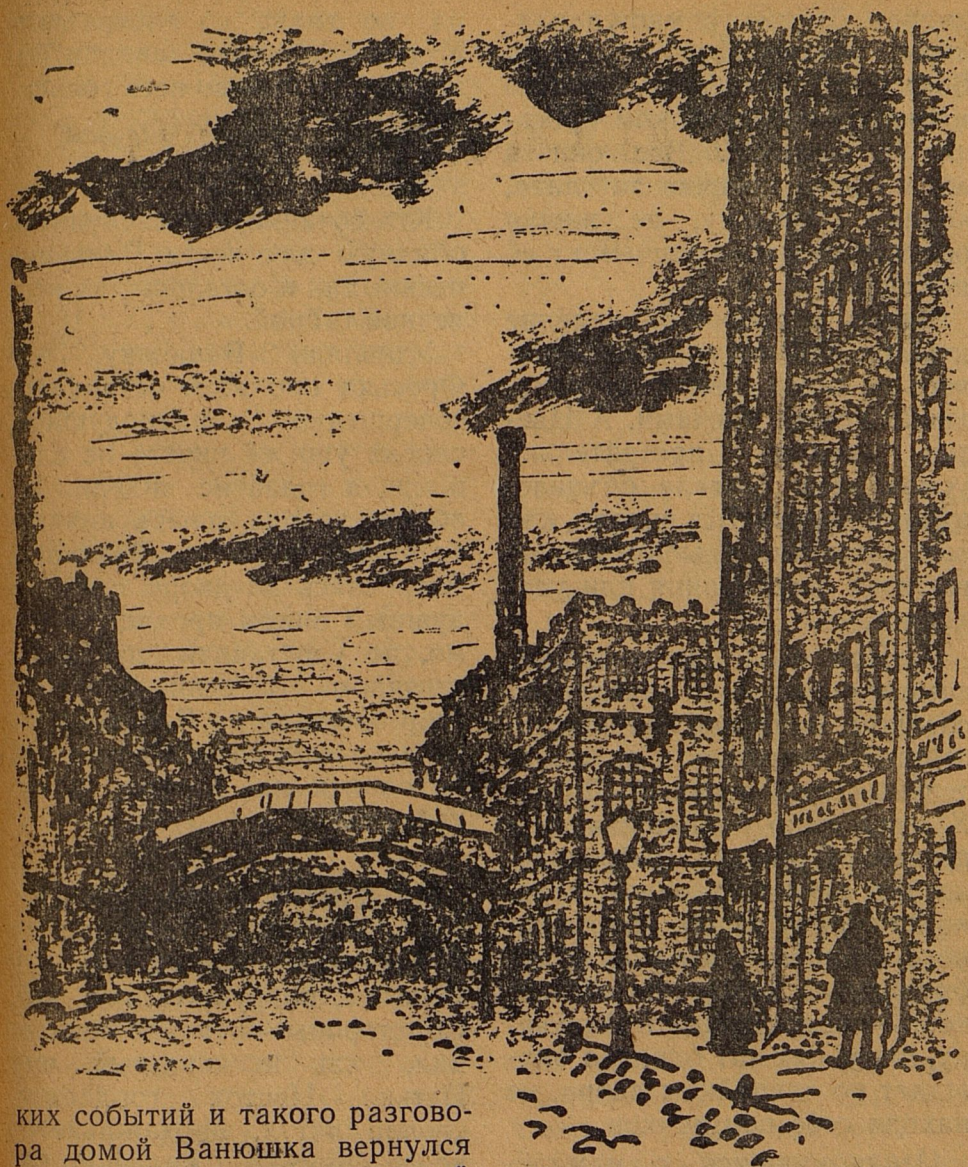
Тогда Фроська с величайшей дерзостью показала ему язык, бесцеремонно повернулась спиной и, подтолкнув Ванюшку, по-взрослому взяла его под руку и повела по двору, не переставая огрызаться в ответ на насмешки ребят. Имела Фроська какую-то власть над мальчишками и даже над Царём, в этом Ванюшка наглядно убедился.

Отойдя подальше от скобарей, Фроська остановилась и сурово, с заметной укоризной сказала:

— Дурак ты!.. Разве от Царя можно убежать... Заколотят тебя, такого ершистого.

Рядом с Фроськой стояла в длинном до пяток бурнусе её закадычная подружка голубоглазая Катюшка-Огурец и тоже смотрела на Ванюшку с неммым укором — словно он был несмышлёныш-младенец.

Повернувшись, Фроська со своей подружкой пошла обратно своей дорогой, а Ванюшка, взъерошенный, как воробей, остался один. После та-

ких событий и такого разговора домой Ванюшка вернулся еле живой, удивляясь, как ещё не умер в тот день.

ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И НОВЫЕ ГОРЕСТИ

НА следующий день на побелённом известью заборе Скобского дворца появилось написанное углём объявление:
ФРОСЬКА + ЧАЙНИК

Под ним была жирная черта и ещё ниже сообщалось:

НЕВЕСТА — ЖЕНИХ

и ещё ниже, для неграмотных скобарей, также углём были намалёваны весьма живописные портреты Фроськи и Ванюшки.

Волнение на дворе Скобского дворца в этот день было большое. К объявлению подходили скобари, читали. Одни качали головой и только хму-

рились. Другие громко удивлялись: почему Царь не побил Ванюшку? Особенно громко возмущались поступком Фроськи её подруги. Все они в один голос, конечно за глаза, корили Фроську, не желая оставаться равнодушными к её причудам.

Читал на заборе объявление и Царь. Он нахмурился и ничего не сказал. Копейка удивлённо пожал плечами. А Цветок только презрительно усмехнулся. Читала объявление и Фроська. Все видели, как она загадочно улыбнулась, не выразив негодования или удовольствия.

— Про тебя, фунт-ситный, намалёвано... — немедленно сообщил Ванюшке его новоявленный приятель — любознательный и болтливый Лёвка-Купчик, явно напрашиваясь в друзья к Ванюшке. Добровольно, без всякого уговора, только по складу своего общительного характера, взял он на себя трудную и опасную обязанность — сопровождать Ванюшку, видя, как тот одиноко блуждает по закрайкам двора, не находя себе попутчиков.

Ознакомившись с намалёванным объявлением, Ванюшка тоже нахмурился: своё изображение на заборе ему очень не понравилось. Но в душе он был доволен, чувствуя, что словно кто крепкой верёвкой привязал его к Фроське. Заслонила она теперь от него весь мир, несмотря на то, что он стал из-за Фроськи посмешищем на дворе. Вся голопузая мелюзга Скобского двор-

ца во главе со зловредным Кузькой-Жучком, завидев Ванюшку, вопила во весь голос:

Фроська, Фроська, выручай!

Дам тебе на чай...

Кто сочинил эту паскудную, обидную для чести Ванюшки песню, так и осталось для него вечной тайной.

Удивляло Ванюшку, что Фроська при этом оставалась совершенно равнодушной, словно уши её ничего не слышали, а глаза не видели. Не обращала она теперь никакого внимания и на Ванюшку. Встречаясь на дворе, с равнодушным видом проходила мимо, не удостоивая его даже взглядом. А если случайно взор её падал на Ванюшку, то глядела так, словно перед ней находился не человек, а пустое место.

НА ДВОРЕ И НА УЛИЦЕ

МНОГО дней Ванюшка не решался подойти к Фроське, подружиться с ней. Со стороны он зорко наблюдал, как ненавистный ему Петька - Цветок горделиво, словно петух, прохаживается возле Фроськи, оживлённо балагурия с ней.

Хотелось Ванюшке чем-нибудь отличиться перед Фроськой. Как Серёга-Копейка, пройти перед ней на руках колесом, или, как Царь, выносивший на двор свой ящик с разноцветными стекляшками, через которые было любопытно смотреть на окружающее, тоже что-нибудь вынести своё и показать Фроське.

— Давай поборемся или понарошку подерёмся? — предлагал он Лёвке: — Хочешь, я тебе клюквой нос расквашу?..

Но бороться с Ванюшкой и, тем более, иметь дело с клюквой Купчик категорически отказывался. Тогда Ванюшка при помощи Лёвки становился на голову и пытался ходить на руках, как это ловко умел делать Кузька-Жучок, но ничего не получалось.

— Пошли на улицу? — предлагал Лёвка. — Чего ты возле девчонок всё увиваешься? Фроську, что ли, не видал?

Суровая правда Лёвки отрезвляла Ванюшку. Бросив прощальный взгляд на Фроську, Ванюшка уходил с Купчиком на улицу, удивляясь его непоседливости.

СЕРЬЁЗНОЕ ИСПЫТАНИЕ

ПОДРУЖИТЬСЯ с Фроськой Ванюшке помогла счастливая случайность — подсолнухи, которыми щедро поделился с ним Купчик, перед этим побывавший в бакалейно-мелочной лавке своего отца. Там продавалась всякая всячина, а подсолнухи стояли мешками. В лавке Лёвка распоряжался хозяином — насыпал себе в карман сколько хотел семечек, брал леденцы, пряники. Со своими запасами Лёвка боялся близко подойти к скобарям, но с Ванюшкой делился охотно.

И вот, когда Ванюшка шёл по двору и с важным видом небрежно лузгал семечки, поплёвывая направо и налево, на встречу ему попались Фроська

с Катюшкой. Шли они обнявшись, как сестрички, и явно дурачились, наступая друг другу на пятки и задевая встречных мальчишек. Такой же участи подвергся и Ванюшка.

— Барин, подай копеечку... — услышал он смеющийся голос Фроськи, с лукавой усмешкой протянувшей ему свою по-мальчишески чумазую руку.

— Фу-ты ну-ты ножки гнуты... — нараспев поддела его Катюшка, а Фроська добавила: — Угостил бы, барин, семечками?..

Стояли они перед ним, загордив дорогу, как две попрошайки, и явно издевались.

Нахмурившись, Ванюшка хотел было обойти их стороной, но не тут-то было.

«Дать, что ль, леща...» — подумал он, рассердившись. В эту критическую минуту он был готов похоронить Фроську и забыть о ней на веки вечные. Но, взглянув Фроське в глаза, он вдруг почувствовал, как какая-то неведомая сила пригвоздила его на месте и заставила сразу подобреть.

— Угощайтесь... — смущённо пробормотал он, вывернул при этом свой карман наизнанку и щедро оделил попрошаек.

— Спасибо!.. — вежливо в один голос поблагодарили подружки, бесцеремонно забрав у него все подсолнухи, и отправились дальше.

— Обчистили!.. — возмущённо попрекнул Ванюшку запоздавший Купчик. — Совесть-то у них цыганская...

Ванюшка ничего не ответил. На другой день Фроська снова первая заговорила с ним, но уже другим тоном. Сидела она среди ребят у забора с Катюшкой. Обе таинственно шептались, бросая на Ванюшку лукавые взгляды, когда он осторожно проходил мимо.

— Иди к нам... — дружелюбно пригласила Фроська.

Скобари сгрудились возле забора, свободно раскинувшись в своих лохмотьях, кто как хотел. Рядом с Фроськой, подперев руками свою тяжёлую, давно не стриженную голову, в задумчивой позе сидел Цветок. Немного поодаль, распахнув жилетку и гордо выпятив голую грудь с таким же, как и у Царя, намалёванным якорем, полулежал на земле

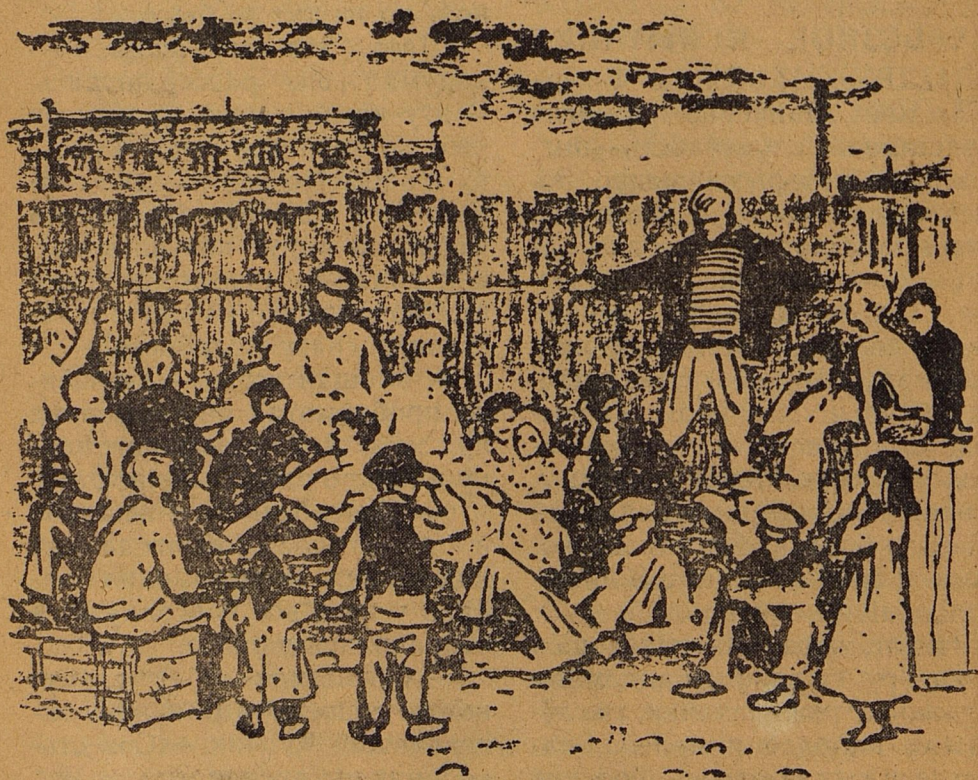
крестовый брат Царя — Серёга-Копейка. Царь ещё в прошлом году поменялся с ним своим гайтаном и теперь считался ближайшим его родственником. Решали скобари все сообща сложную задачу — какими важными делами им теперь заняться.

— Что это у вас... Государственная дума заседает?.. — серьёзным тоном, не улыбаясь, спросил проходивший мимо механик Максимов. Любил он пошутить с ребятами.

— Б-будем разбойничать?.. — мрачно оглядев своих соратников, предложил с забора Царь, даже не улыбувшись на шутку Максимова.

Пошумев немного «государственная дума» согласилась.

— А ты?.. — спросил Царь у

Ванюшки таким тоном, словно тот был немощным или безногим существом: — Кем будешь?

— Стражником, — сразу же за Ванюшку ответила Фроська, не дав ему даже раскрыть рта. Распоряжалась она теперь Ванюшкой как своей собственностью.

— Смотри... У нас на кулаки сходятся, — почему-то счёл нужным предупредить Ванюшку Царь.

— Выдюжит! — снова ответила за Ванюшку Фроська.

Скобари действовали решительно и быстро. Кто-то из них уже малевал себе углём усы. Другие катили от мелочной лавки порожние бочки, волокли рогожу... В каких-нибудь пять минут у забора возникло разбойничье логово.

Между двумя бочками висела рваная рогожа. Горели на солнце разбойничьи сабли, сверкали у черноусых молодцов деревянные кинжалы. За рогожей, поджав под себя турецки ноги, сидел в полосатой тельняшке Васька Чуркин — знаменитый атаман, гроза всех купцов и помещиков. Он не только грабил богатеев и убивал на каждом шагу стражников и городских, но и освобождал из неволи попавших туда простых людей. Десять знаменитых сыщиков ловили его и не могли поймать. Сотни городских не могли опознать на улицах Петрограда Ваську Чуркина. Даже городской Жига, стоявший на перекрёстке неподалёку от Скобского дворца, и тот не

знал в лицо, какой из себя Васька Чуркин. Что замыслил теперь со своими единомышленниками Чуркин, волновало и интересовало всех скобарей.

А на противоположной стороне двора у помойки толпились такие же, как и Ванюшка, стражники. Белые повязки на их рукавах наглядно свидетельствовали, что стоят они на страже закона и порядка. Командовал ими храбрый воевода в клетчатой жилетке. Громогласно поклялся он уничтожить разбойничье логово, а самого Чуркина повесить на заборе.

— Чего это Фроська с разбойниками осталась? — толковали между собой стражники.

— Она же — атаманиа, — говорили одни.

— Держит её Чуркин в неволе, — утверждали другие.

Ванюшка не вмешивался в спор, жадно прислушиваясь к разговору. На этот счёт у него уже складывалось своё мнение.

И тут пришло тревожное сообщение: были разбойниками среди белого дня злодейски захвачены: Лёвка-Купчик, Кузька-Жучок и Катюшка-Огурец. Заточил их злодей Васька Чуркин у себя в разбойничьем логове, в глухом подземелье, обрекая, если не будет выкупа, на верную смерть.

— Выручим! — обвёл глазами стражников храбрый воевода, выхватив сделанную из обруча саблю.

— Смерть Чуркину!.. — за-

— За мной!.. —
скомандовал воевода,
выхватив саблю. Куч-
ка разбойников во
главе с Чуркиным си-
дела у своего логова
и пела разбойничью
песню:

*Из-за острова
на стрежень...*

Рядом сидела
Фроська, а остальные
находились неведомо
где, как потом оказа-
лось — в засаде, ко-
гда налетели страж-
ники.

Ванюшка смело, с
завидной удалью,
схватился в опасном
поединке с кем-то из
разбойников, одолел
его и первым проник
в разбойничье логово.
Схватив в охапку
Фроську, он поволок
её на волю...

— Держи сь... —
шептал он ей. — Я тебя вы-
ручу...

Ванюшка никак не предпо-
лагал, что имеет он дело не с
невольницей, а с самой ата-
маншей. Фроська встретила
его как тигр, отчаянно сопро-
тивляясь. Она исцарапала ему
лицо, укусила за ухо и при со-
действии подоспевших брать-
ев-разбойников повергла изу-
млённого Ванюшку на землю.

Не успел он подняться на
ноги, как рёбра ему основа-
тельно посчитал сам Васька
Чуркин, но тут на помощь Ва-
нюшке пришли другие страж-
ники и вызволили его из беды.

Были освобождены и выпу-

вопили стражники, потрясая
оружием.

— Ты Жучка, освобождай...
ты Катюшку... ты... — спешно
отдавал распоряжения воево-
да, но Ванюшка уже не слушал
его. Весь просветлев, Ванюш-
ка тоже загорелся бурной жа-
ждой деятельности. Что оста-
валось непонятным для
остальных, для него вдруг ста-
ло ясным. Почему Фроська за-
хотела, чтоб он принял уча-
стие в игре и почему назначи-
ла она его стражником? Хоте-
ла Фроська, чтобы Ванюшка
её освободил — похитил из
разбойничьего логова... Теперь
он знал, что делать!

щены на волю закабалённые Лёвка-Купчик, Катюшка-Огурец и Кузька-Жучок. Противники дружелюбно пожали друг другу руки и снова вернулись к обычной мирной жизни.

— Хмырь!.. — на своём языке похвалил Ванюшку Копейка, удивляясь его безрассудной отваге. Это была высшая похвала, означавшая на языке скобарей: «Молодец!»

Наступила для Ванюшки счастливая пора его жизни на дворе Скобского дворца. За Типкой теперь вместе с другими ребятами Ванюшка следовал смело и с большой охотой. Беспрекословно он выполнял все распоряжения Царя, который незамедлительно зачислил его в свою свиту.

УТРАЧЕННАЯ СВОБОДА

РАНЫШЕ Ванюшка не ценил своей свободы. Как и все мальчишки, он мог распоряжаться собой по своему усмотрению. Но как только Ванюшка подружился с Фроськой, он сразу же попал в постыдную неволю. Помыкала им Фроська на каждом шагу. И самое главное — в рабство к Фроське Ванюшка пошёл добровольно. Никто его силой не тащил, не уговаривал. Стукнул Ванюшке в это время уже двенадцатый год. А Фроське и того меньше — была она моложе Ванюшки на два месяца и четыре дня.

Началась эта унижительная для мальчишеского достоинства Ванюшки власть Фроськи над ним с незаметных пу-

стяков. На другой же день после игры в разбойников Фроська, встретив Ванюшку, ласково попросила:

— Ванечка!.. Сбегай к воротам. Посмотри, не идёт ли мой батя с работы?

Ванюшка удивлённо взглянул на неё, но отказаться не посмел и пошёл к воротам. Это была первая непоправимая ошибка в жизни Ванюшки. В следующий раз она попросила Ванюшку сходить с ней в мелочную лавку за солью, а потом ещё за чем-то.

Купив что нужно, Фроська передавала покупку Ванюшке. Тот, как слуга, нёс, а Фроська шла рядом, гордо посматривая по сторонам, и только предупреждала:

— Не просыпь!.. Не пролей!..

Потом такие случаи участились, и Фроська уже не просила, а приказывала тоном, не терпящим возражения. Повелевала она теперь Ванюшкой словно помещица: это ей принеси... то подай... найди её подружку Катюшку и приведи к ней...

Даже Лёвка-Купчик и тот удивлялся, жалостливо глядя на Ванюшку:

— Обратала она тебя...

Но всё это было терпимо, и Ванюшка не очень расстраивался. Поступала так Фроська не с одним Ванюшкой. Цветок тоже был у неё в полной зависимости: он ходил за ней, как денщик за офицером, и она командовала им. Даже гордый, самолюбивый Серёга-Копейка с большой охотой кру-

тил верёвку, через которую Фроська с Катюшкой, соревнуясь, прыгали, как козы.

Худшее было впереди — после того, как Ванюшка познакомился с её полугодовальным братиком крикуном Колькой. Выносила Фроська Кольку на двор ежедневно, а иногда и по четыре раза в день. Няничла она его как полагается, но при этом чуть что грозно покрикивала: «Ну-у... замолчишь ты, паршивик... Холеры на тебя нету!...» Ругала Кольку Фроська, конечно, не злобно. Своего братика она очень любила.

И вот Ванюшка должен был забавлять Кольку, вертеться перед ним козлом и строить разные гримасы, как клоун в цирке. Ванюшка сперва очень любил Кольку. С большой охотой он осторожно брал на вытянутые руки туго спелёнутый свёрток с братиком Фроськи и наслаждался новой, неиспытанной забавой — нянчить живое существо. Ни брата, ни сестры у Ванюшки отроду не было. Но когда Фроська стала злоупотреблять — всё чаще подсовывать ему братика, — Ванюшка охладел к Кольке. Наступил день, когда Ванюшка возненавидел братика Фроськи как своего кровного врага. Виновата в этом была Фроська.

Встретив Ванюшку, Фроська решительным жестом оставила его и, не спрашивая, занят тот своими делами или нет, бесцеремонно сунула ему в руки свёрток с Колькой:

— Накось, поддержи... я сию минуту вернусь...

Ванюшка сперва было за-протестовал, но Фроська так властно взглянула на него, даже прикрикнула:

— Что у тебя руки отвалятся?.. Я на одну секундочку.

Оставив на руках Ванюшки Кольку, она мгновенно, как ветер, исчезла. Но прошла не одна секунда, а наверно не менее тысячи секунд, а Фроська всё не возвращалась. Где она носилась в это время, никто, даже, наверно, сам бог на небесах, не мог бы сказать.

Сперва Ванюшка терпеливо топтался на месте, скорбно

обозревая прилегающие дали: всё надеялся увидеть Фроську. Но потом, когда из свёртка потекло и Колька, мирно чмокавший всё время пустышкой, вдруг встрепенулся, вытолкнул пустышку и, вытаращив свои безбровые глаза, вдруг заревел благим матом, Ванюшка даже вспотел и отправился на поиски исчезнувшей Фроськи.

К Ванюшке подходили скобари. Кто сочувственно, кто ехидно спрашивал:

— Нянишь? Ну, баюкай, баюкай...

Но помочь Ванюшке, взять Кольку в свои руки никто не хотел, все отказывались.

Кто-то посоветовал:

— Тряси его, брátика, шибче... он разом утихнет...

Другой предлагал:

— Стащи ты его домой, к матери Фроськи.

Стоял Ванюшка, окружённый скобарями, не зная, на что решиться. Тряс Кольку, но тот ревел ещё громче, словно резали его.

— Будь друг, разыщи ты мне Фроську... — попросил Ванюшка быстрогоного Кузьку-Жучка, состоявшего при его особе добровольно на положении денщика. Тот удивлённо пожал плечами, не зная, в какую сторону податься. Когда же наконец Ванюшка решился было уложить Кольку на землю и скрыться, если не навсегда, то хотя бы на неделю из Скобского дворца, — вихрем влетела запыхавшаяся Фроська.

Выватив из рук Ванюшки

изошедшего в крике Кольку, она шлёпнула его раз-другой, моментально успокоила, а Ванюшке с сердцем бросила:

— Недотёпа... не мог потушкать...

Ванюшка сперва позеленел, потом побледнел и стал краснеть. В эту минуту он мог убить Фроську на месте, но удержался.

— Дармоедка!.. Бешеная! — заскрежетал он зубами. Вылив на Фроську весь свой гнев, облегчив душу, Ванюшка ушёл домой.

— Ты не в няньки ли нанялся?.. — сразу же спросила Ванюшку на кухне чайной мать.

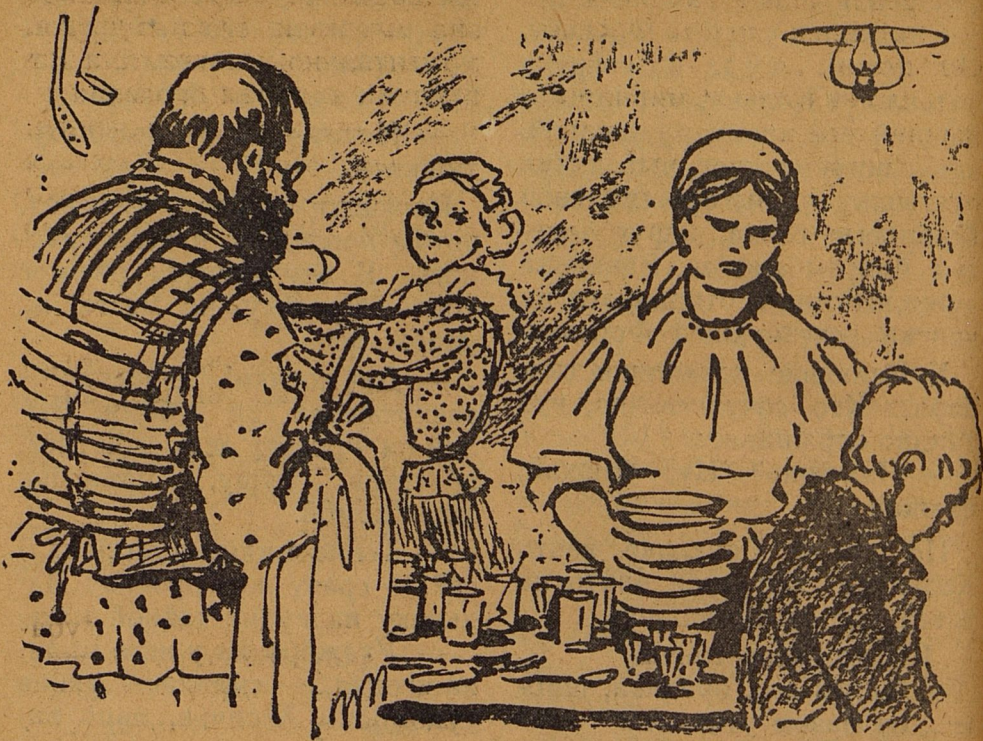
— Ухажёрочка у него малина-ягодка... — смеялась рябая судомойка Аксинья, явно намекая на Фроську.

— Это кто же?.. — заинтересовался дед, выходя из-за стеклянной стойки буфета.

— С пятого подъезда, слесаря Егора Зубарева дочка... — неохотно сообщила мать Ванюшки, глядя на него с явным укором, и тут же добавила: — От горшка два вершка и то с натяжкой. Не дорос ещё до ухажёрок.

— Не горюй, Ванюха, сватаем тебе невесту... — пообещала Ванюшке забежавшая на кухню официантка, белобрысая смешливая Любка.

«Вот, тоже... привязались...» — неприязненно думал Ванюшка, удивляясь нелепой привычке взрослых вмешиваться, когда их не спрашивают, и всё мерить на свой аршин.

Первый раз в жизни поругавшись с Фроськой по-настоящему, Ванюшка думал, что всё уже кончено. Но на другой день Фроська сама подошла к Ванюшке. Как ни в чем не бывало она вынула из кармана розовый леденец, разломилла пополам и протянула Ванюшке. Этим молчаливым жестом предложила она забыть возникшую между ними неприязнь.

— Ты, дутик?.. — спросила она, пытливо и настойчиво заглядывая Ванюшке в глаза. — Зачем меня бешеной обозвал?

— Я так, шутя... — отозвался Ванюшка, чувствуя, как разом под ласковым взглядом Фроськи тает у него на сердце появившийся было там снег и лёд.

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

КАК обычно, на дворе Скобского дворца было шумно илюдно, у ворот толпились разные оборванцы. Хотя по случаю войны казённую лавку и закрыли, но у ворот всё равно распивали — не вино, — ханжу, политиру. Ходили и голосили по двору пришлые бродячие торговцы, певцы, музыканты, нищие, акробаты... Задрав голову кверху, они щупали глазами окна и, как песню, нарастающе протяжно тянули:

— А во-от чини-ить!..
Паять!..

— Разна матерья-я... Шёлка матерья-я!..

— Шурум-м!.. Бурум-м!..
Старьё покупаю... Старьё-ё!..
Бутылки-и... банки-и...

— Морожена-а...на-на-на...
 — Селёдки голландски-и...
 Селёдки-и-и...
 — Рыжиков пожалте-е...
 Рыжичко-ов!..
 — Пирог-и горячие!.. Пи-
 роги-и... Подлетай, хватай!..
 Три копейки пара. С пылу-жа-
 ру... Пирог-и-и...

А среди ровесников Ванюш-
 ки выделялись громкие голоса
 Фроськи, Цветка, Копейки...
 Шла у них весёлая, крикливая
 игра в «войну». Нападали ре-
 бята друг на друга, тузили ку-
 лаками, волочили по земле.
 Победённых отводили в ла-
 герь — закоулок за уборной.
 Наиболее непокорных сажали
 в бетонную коробку помойки,
 прикрывали сверху железной
 крышкой, чтобы те не убежали.
 Только и слышалось:

— Лови!.. Держи!.. Крути
 ему руки!.. Сажай...
 И в такое весёлое, суматош-

ное время на дворе показался
 отец Фроськи Егор Зубарев.
 В измазанной мазутом рваной
 блузе и в тяжёлых сыромят-
 ных ботинках шёл он с работы.
 Был навеселе. Покачиваясь и
 размахивая руками, негромко
 звучным тенорком тянул про
 себя:

*Вдо-оль по улице молодчи-ик,
 Моло-одчик идёт...*

Он останавливался везде,
 где встречались слушатели и
 была возможность показать
 себя. Широко растопырив свои
 заскорузлые пятерни, он пер-
 вым захватил в плен налетев-
 шего на него впопыхах Ван-
 юшку.

— Зятёк!.. — завопил Зуба-
 рев, облапив Ванюшку и оста-
 вляя на его щеках жирные
 следы мазута. — Хочешь, я за
 тебя Фроську отдам? А-а-а?..

Ванюшка, покраснев, как ку-
 мач, растерялся. Возле них

толпились скобари, глазела голупузая мелюзга. Все с величайшим вниманием смотрели, как Егор Зубарев тискал Ванюшку в своих могучих объятьях и, от избытка чувств чмокая слюнявыми губами, лобызал как своего будущего родственника-зятя.

— Пошёл домой!.. — кричала Фроська, отчаянно дубася отца по широкой спине и стараясь поскорее увести со двора.

Но он упирался, не шёл. Смуглое, цыганское лицо Зубаря, побагровев, топорщилось смолисто-черными усами и бородой, белые как сахар зубы и белки глаз сверкали. Куражась, Зубарь шумел на весь двор:

— Вы кто передо мной?.. Заклёпки!.. Ей-ей, заклёпки!.. Зятёк!.. Желанный ты мой!.. Да за Фроськой ты, как за каменной стеной... Она у меня на все руки... И пол вымоет, и обед приготовит, и бельечишко выстирает. Женю!.. Ей-ей, женю!..

С трудом Ванюшке удалось вырваться.

Как только он снова вернулся к ребятам, игра уже расклеилась. Ванюшка не подозревал, как исполосовал мазутом его щёки пьяный слесарь. А Зубарь совершенно не предполагал, к каким роковым и печальным последствиям для Ванюшки может привести его крикливая похвальба. Едва Ванюшка показался перед глазами ребят, как его сразу же все встретили дружным общим ржаньем.

— Зятёк!.. — гоготал Копейка, покатываясь со смеха и указывая пальцем на Ванюшку. — Зятёк!.. — Он как-то по-особенному скалил свои зубы. Щербинка у него во рту темнела, словно открытая калитка в белоснежном частоколе зубов.

Завистливо смеялся и Цветок.

— Зятёк!.. — вопила мелюзга. Все вокруг смеялись. Только Царь молчал и не смеялся. Он смотрел на Ванюшку враждебно, с заметным презрением и по своей привычке шевелил кулаками, засунутыми в карманы штанов. Означало это, что Царь был очень взволнован.

Первым кончил смеяться и нахально полез к Ванюшке Цветок.

— Лизунчик!.. — сквозь зубы приветствовал он Ванюшку, выпячивая свои тол-

стые губы сердечком. Держал он в руках ржавую кастрюлю с проломленным дном и издевательски предлагал:

— Давай обвенчаю?..

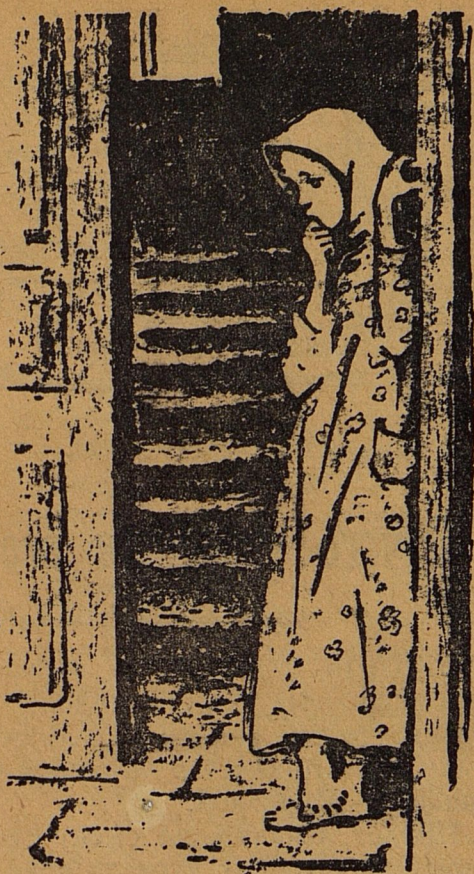
От такого глумления и насмешек Ванюшке следовало бы немедленно скрыться и не вылезать из кухни чайной недели две. Но тут среди ребят появилась Фроська. Её тоже встретили всеобщим гоготом и градом насмешек.

Сперва Фроська заметно растерялась, но, взглянув на Ванюшку, сразу овладела собой.

— Чего гогочете?.. — рассердилась она, решительно подступая к своим насмешникам. Смуглое лицо её загорелось гневом, большущие глаза потемнели ещё больше. — Что, завидки берут?.. — с отчаянной и гордой смелостью бросила она в лицо всем мальчишкам и девчонкам, выскочив вперёд и вызывающе подперев руками бока. — Что, не ожидали?.. Га-га-га!.. Хы-хы-хы!..

В своём новеньком, василькового цвета сарафанчике и с начисто отмытыми босыми ногами она стояла перед ребятами в вызывающей позе, повода черноволосой головой, испепеляя всех горящим взором, и тоже скалила свои белые, как кипень, зубы.

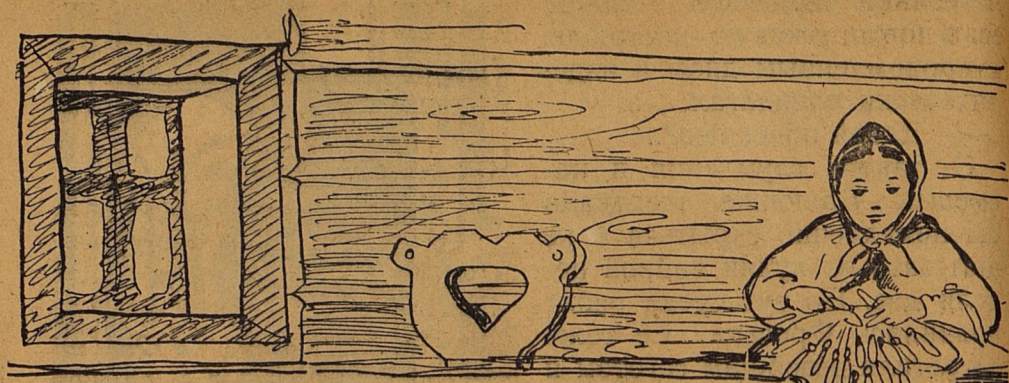
Скобари перестали смеяться: такой выходки от Буяна

никто не ожидал. Все удивлённо и даже серьёзно смотрели теперь на Фроську и на Ванюшку, соображая, что, очевидно, Зубарь не зря бахвалился.

Никто не обратил внимания на задушевную подружку Фроськи Катюшку, которая сразу же поспешно ушла домой. Фроська быстро успокоилась, словно ничего не случилось. На Ванюшку она не глядела, в глазах её сверкали злые искорки.

(Окончание следует)

Е. Тринова

Отчего снежинки все разные

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

КОГДА-то очень давно снежинки были все одинаковы. Просто падали на землю маленькие белые шарики. И Мороз ещё не был дедом, а всего-навсего небольшим шустрим парнишкой — Морозкой.

Придёт, бывало, на смену осени Морозка и начнёт хлопотать с утра до ночи: землю снегом укрывает, реки — льдом, а птицам и зверям, по их просьбе, выдаёт на зиму белые шубки, чтобы им легче было спрятаться в снегу от врагов.

Быстро переделает он все дела и не знает, чем бы ещё заняться? Времени впереди много, а работы никакой.

Скучно станет Морозке. Ходит он по земле унылый, неразговорчивый. Даже свои любимые песни насвистывать перестанет.

Звери и птицы наперебой стараются развлечь его, зовут к себе в гости.

— Морозка, иди к нам орехи грызть! — приглашают белки.

— Морозка, давай наперегонки бегать! — предлагают быстроногие зайцы.

— Лучше поиграй с нами в прятки, Морозка! — кричат ему куропатки.

Морозка с большим удовольствием и сладкие орехи ест, и в весёлые игры играет.

★ РЕБЯТАМ-ОКтябРЯТАМ

Рис. П. Вискова

А только ведь всё надоест, если повторяется одно и то же изо дня в день.

Опять шагает по земле Морозка и зевает от скуки. Всё в лесу белым-бело. Кругом стоит мёртвая тишина. Если и раздадутся изредка какие-нибудь звуки, то это крик ворон, которые вечно спорят друг с другом.

Махнёт Морозка в тоске рукавицей — и в тот же миг из белой тучи полетит на землю видимо-невидимо снежинок. Но и от этого веселее ему не станет, — ведь все они одинаковые. Платье одной снежинки точь-в-точь повторяет платье другой.

Посмотрит-посмотрит на них Морозка, закроет глаза и заснёт невзначай где-нибудь под старой елью.

ТАК и скучал бы Морозка каждую зиму и по сей день. Да, к счастью, вовремя он Аннушку-кружевницу увидел. Вот как это произошло.

Шёл однажды Морозка глухой ночью мимо крутого оврага. Глядь, на его обрыве старая избушка стоит. Вся покряхтелась, в землю вросла. Из-за снежных сугробов только крыша торчит да одно крошечное оконце, заткнутое старой соломой.

Взглянул на избушку Морозка и думает: «Вот где скука так скука! Я хоть по земле хожу, весь свет вижу. А люди всё время в этих каморках сидят. Уж, верно, день и ночь спят со скуки».

Поднялся он выше и второе оконце увидел. Что это? В нём будто слабый свет виднеется. Удивился Морозка и заглянул в оконце. А когда заглянул — ещё более удивился.

В горнице лучина горит. Сидит на лавке девочка махонькая-премахонькая. Лет этак одиннадцати-двенадцати. Перед ней на подставке круглая подушка лежит. На подушке булавки натканы. Смотрит на них девочка и руками целый ворох тонких деревянных палочек перебирает, перекидывает их пальчиками туда-сюда, туда-сюда.

Сначала Морозка подумал, что девочка палочками просто забавляется, заигралась и про сон забыла, а потом пригляделся внимательнее и ахнул от изумления: с подушки сбегало вниз на пол широкое узорчатое кружево. А на нём...

Чего только на нём не было! По нижнему краю, словно живые, вились лесные и полевые цветы: подснежники, ромашки, колокольчики. Среди них виднелись самые разные бабочки и жуки. А по верхнему краю сидели певчие птицы.

Стоит у окна Морозка и не в силах от кружева глаз оторвать. Так вот, оказывается, что на свете бывает! Из ничего, можно сказать, люди красоту создают. Из каких-то простых белых ниток. И это руками крохотной девочки! И что же тогда взрослый человек может сделать! По всему видно, людям скучать не приходится: красоту они создают...

— Как тебя зовут, девоч-

ка? — с любопытством спросил Морозка.

— Аннушка, — застенчиво ответила девочка, — а тебя как?

— Морозка. Не нужна ли тебе моя помощь? Скажи! Я всё сделаю.

— Зябко очень, Морозка. Дров в избе ни полена. И хлеба нет ни кусочка. Хоть бы кружево кто купил! Да купцам, видно, сюда не добраться. Все дороги снегом занесены. Ни пешему не пройти, ни конному не проехать...

Отошёл Морозка прочь. Свистнул, гикнул так, что во всех уголках леса его было слышно:

— Эй, медведь-шатун! Эй, серые волки! Эй, рыжие лисы! Проснитесь! Нарубите дров да свезите их во двор сюда — к Аннушке-кружевнице.

Не посмели звери послушаться приказа Морозки. Заморозит ещё насмерть, чего доброго! Принялись всем миром деревья рубить, свезли их во двор к девочке, раскололи, в

поленницы сложили. Топи, знай — не на один год хватит!

Постучал Морозка в окно:

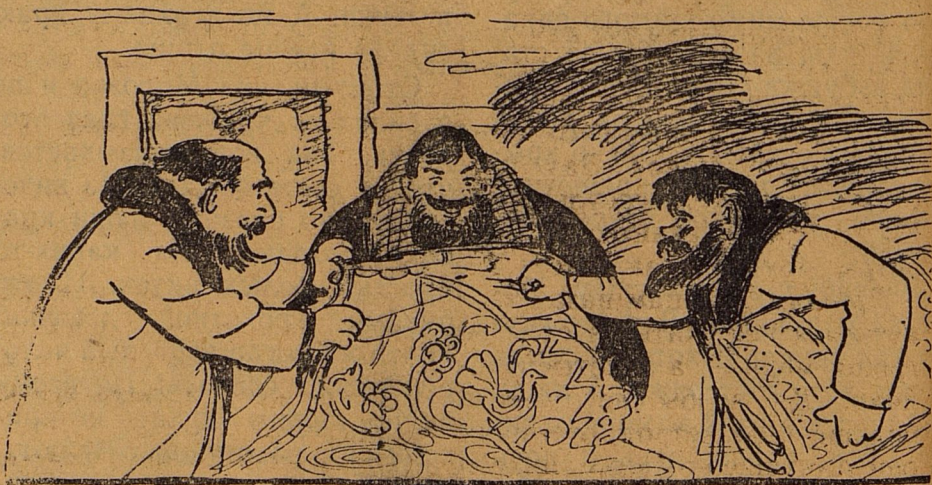
— Ну-ка, Аннушка, принимай подарки!

Вышла Аннушка на крыльцо. А там охапка дров её ждёт и мешок со сладкими лесными орехами. Теперь и согреться есть чем и не пропадёшь с голоду. Обрадовалась девочка, особенно, когда увидела, что на дворе дров — полным-полно. И дрова всё самые лучшие: берёзовые да сосновые!

Морозка же тем временем развязал свой пояс и ненадолго выпустил на свободу все злые холодные ветры. Они мигом размели все сугробы, все дороги расчистили. А потом разыскали купцов, которые кружева скупали, подхватили их лошадей и понесли... Да ещё успели просвистеть купцам на ухо:

— Кто из вас Аннушку-кружевницу обидит — быть тому ледяной сосулькой! Так Морозка сказал.

Испугались купцы, онемели

от страха. Глядь, а сани их уже возле ворот стоят. Какая-то девочка в окно смотрит, головой им кивает, улыбается. Поняли они, что это и есть Аннушка-кружевница. Слышали они от крестьян её имя и раньше. Но всегда как-то не по пути было ехать к ней.

Нехотя вошли они в горницу. А когда вошли — не пожалели об этом. На столе у девочки была приготовлена целая гора тонких кружев, да таких затейливых узоров, каких купцы с роду не видывали!

Затряслись у них руки от жадности. Набросились они на кружева, как голодные собаки на кости. Каждый старается схватить больше, рвут друг у друга, спорят, ссорятся. Того и гляди — в драку полезут. Что говорить — товар редкий, в заморские страны продать можно, много золота за него выручить!

Едва-едва поделили купцы Аннушкины кружева между собой. Потом бросили девочке три медных гроша, да и вон пошли.

А ледяные ветры тут как тут. На пороге встречают, ехидно-преехидно их спрашивают:

— Значит, купчики-голубчики, денег жалко? Захотели стать ледяными сосульками? Ну что ж! Давайте, братья-ветры, примемся за дело!..

Пришлось купцам назад вернуться и положить на стол не гроши медные, а золотые рублики. Да чтобы не гневить больше злых ветров, отсыпали они Аннушке из своих запасов и муки, и соли, и сахару. По-

обещали отныне у неё часто бывать, покупать все кружева, которые она сплетёт к тому времени. Да с тем и уехали.

ИСПЕКЛА Аннушка пироги с капустой, села за стол чай пить. Тут и Морозка заглянул в окно, чтобы проверить, всё ли так сделано, как он приказал, довольна ли кружевница его помощью.

Поблагодарила его девочка, угостила пирогами и спросила:

— Не нужна ли тебе, Морозка, в чём-нибудь моя помощь? Скажи! Что могу, всё для тебя сделаю.

Обрадовался Морозка и говорит:

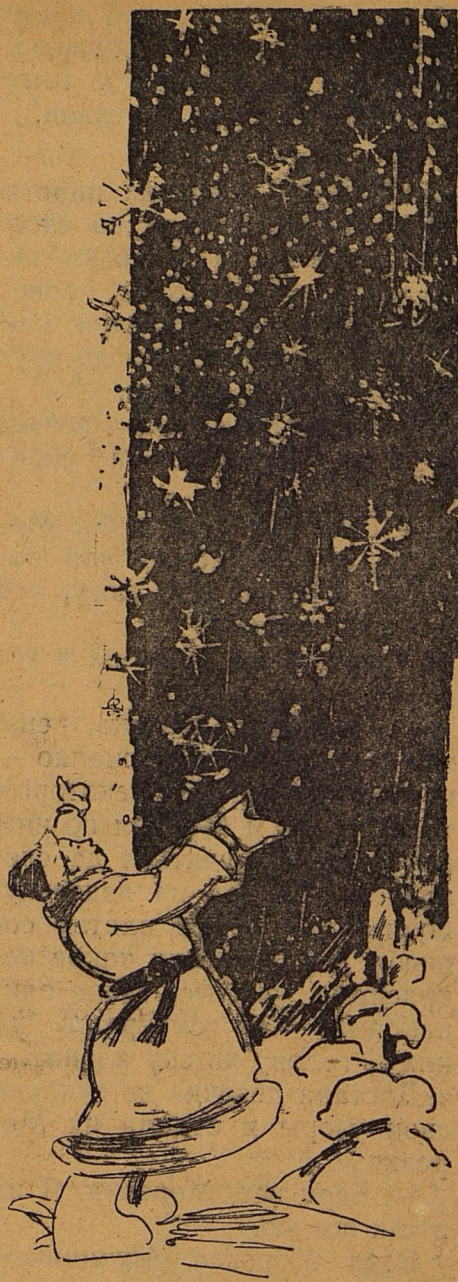
— Нужна, Аннушка, ещё как нужна! Если не жалко — подари мне хотя бы некоторые твои узоры. Я бы стал по ним сам рисовать учиться да снежинкам бы дал на недельку. Пусть себе новые платья сошьют. А то все они такие некрасивые, унылые, такие одинаковые, что смотришь на них — голову ко сну клонит.

Достала девочка из сундука свои узоры и отдала их Морозке:

— Бери все, Морозка. Я их и так помню.

Взял Морозка Аннушкины подарки и полетел на снежное облако.

— Сестрички-снежинки, — весело сказал он, — посмотрите на эти узоры! Вот такими красивыми и разными должны стать ваши платья. А кто не сошьёт себе новое платье — тому, я думаю, лучше остаться

здесь, на этом облаке. Зачем на людей тоску нагонять?

Представляете, какой переполох поднялся на снежной туче? Ведь каждая снежинка мечтает скорей побывать на земле. Хочется людей посмотреть и себя показать...

Несколько дней ни в одной части света нигде не шёл снег. Это снежинки готовили себе новые наряды. Примеряли, советовались друг с другом, без конца переделывали одно и то же. Наконец сами остались довольны и дали знать об этом Морозке.

Взмахнул он рукавицей — и снежинки одна за другой выпорхнули из снежного облака. Все они были в тончайших кружевных платьях, чувствовали себя красавицами, — и потому не летели, как прежде, стремглав, белым комом, а порхали как белые бабочки, делая в воздухе красивые плавные движения, чтобы все успели рассмотреть их новые наряды со всех сторон.

Морозка смотрел во все глаза и не мог ими налюбоваться. У одной платье красиво, а у другой ещё красивее, одна придумала тонкий затейливый узор, а у другой ещё тоньше, ещё затейливее.

Они больше не наводили на него тоску и скуку своим унылым однообразием, а наоборот, их новая необычная красота пробуждала в сердце такую радость, что Морозке хотелось песни петь, весело шагать по земле и делать какие-нибудь удивительно хорошие добрые дела.

Снежинки, в свою очередь, были тоже приятно удивлены. Все окна домов украсились ледяными узорами, нарядными, разнообразными. Как видно, Морозка не терял времени даром!

А когда снежинки долете-

ли до земли, подсказал им Морозка, как лучше сплести снежную гирлянду, как красивее украсить ею крыши домов, заборы, ветки деревьев. Одним словом, когда на следующий день жители деревень и городов вышли на улицу, они не

узнали её. Показалось людям, что очутились они в сказочном, волшебном-прекрасном царстве.

С тех самых пор, говорят, красота зимы стала спорить с красотой других времён года. С тех самых пор и Морозка скучать перестал.

Иностранный юмор

*

Сесиль ХАНТ

Дикie животные и птицы

(Сочинение одного школьника)

«Моё сочинение касается птиц. Птица, о которой я собираюсь писать, называется сова. Сова ничего не может видеть днём, а ночью — она точь-в-точь как летучая мышь — слепая. Я знаю очень мало о сове, поэтому я напишу лучше о животных. Мой выбор падает на корову.

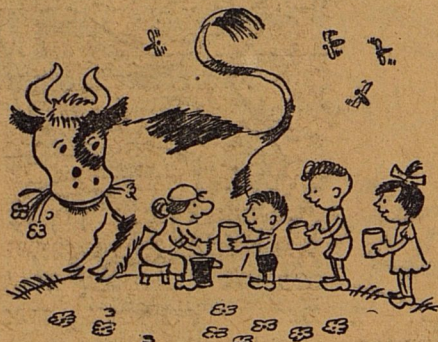
Корова млекопитающее животное и она ручная.

У коровы шесть сторон: левая, правая, задняя, передняя, нижняя и верхняя. Сзади у неё хвост, на кончике хвоста висит щётка. Этой щёткой она отгоняет мух, для того чтобы они не попадали в молоко.

Голова у коровы служит для того, чтобы на ней держались рога, а также для того, чтобы помещался рот.

Рога служат корове, чтоб бодаться, а рот, чтобы мычать.

Под коровой висит молоко. Ко-

гда люди доят корову, из неё выходит молоко и оно может литься без конца. Как это у неё получается, я ещё не понял. От коровьего молока идёт очень хороший запах. Вот почему в деревне такой свежий воздух.

Корова мужского рода называется быком. Он не млекопитающий».

Перевела с английского П. А. ДЛУГОВА

Ч у д о

— Послушай, какое я видел чудо недавно.

— А что именно?

— Кочан капусты.

— Подумаешь, чудо!

— Да, чудо. Он был необыкновенной величины. Под его листьями могли укрыться от дождя не меньше сотни людей и остаться сухими.

— Не такое это уж чудо. Я видел чудо побольше.

— Какое же?

— Шёл я вчера по улице и вижу четыреста человек мастерят горшок. Двести работали снаружи, а двести внутри горшка.

— И куда этакий горшок понадобился?

— А чтоб сварить твою капусту.

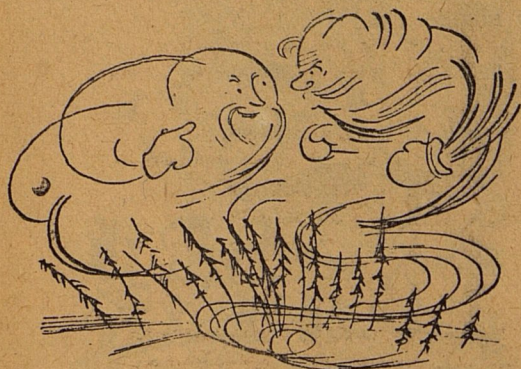
Перевела с французского П. А. ДЛУГОВА

Ветер и дровосек

СКАЗКА

1.

Не речка
с речкою
слились —
сплеснулись,
волны
подымая;

не туча
с тучею
сошлись —
сомкнулись,
небо
застилая;

в холодный день
в глухом лесу
два брата встретились когда-то,
два ветра — два родные брата
сошлись в лесу
лицом к лицу.

2.

— Откуда, братец, держишь
путь?

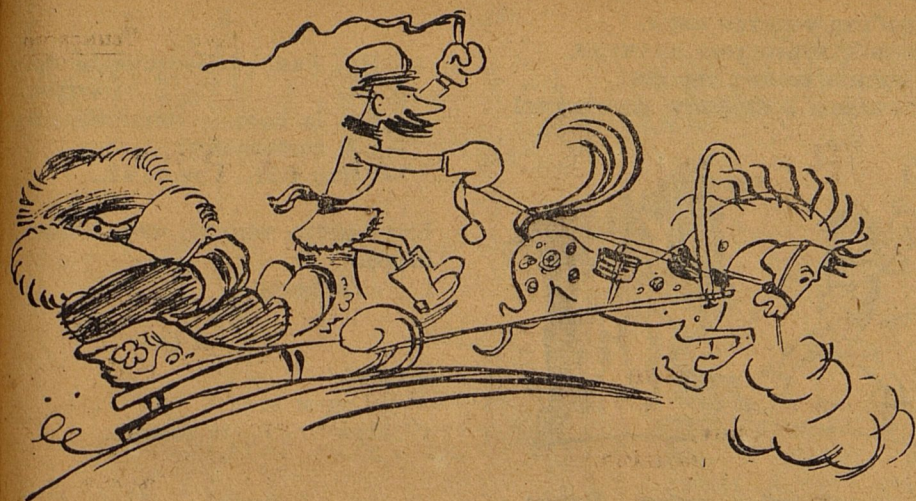
И не пора ли отдохнуть? —
Восточный спрашивает ветер.
— Я прямо с полюса лечу!
Я заморозить всех хочу! —
хвастливо Северный ответил. —
Боишься волк окоченеть
и уступает мне дорогу.
Трусливо прячется медведь
поглубже в тёплую берлогу.

И если
вдруг
навстречу
мне
взлететь
решился
дерзко
птица, —
дохну!
И птица
в вышине
мгновенно
в камень
превратится
и упадёт
на снег,
на лёд
и никогда
не оживёт!

3.

— А не боишься ты людей?
Ведь человек всего сильнее! —
опять спросил Восточный ветер.

— А с человеком я как раз
легко расправился сейчас! —
хвастиливо Северный ответил.

Каким он гордым был на вид!
Как был он толст!
Как был он важен!
Бобровой шапкой был накрыт
и в шубу пышную обряжен!

Медвежья шуба не плоха.
И нет теплей бобровой шапки.
Но я пробил его меха,
он побеждён был с первой
хватки!

Я только дунул,
чуть напал,
Чуть стал морозить понемногу, —
он был живым,
а льдиной стал
и звонко рухнул на дорогу!

Восточный ветер помолчал,
затылок молча почесал
и вдруг лукаво улыбнулся.
— Так это ж барин! —
он сказал... —
Ты, брат мой, с барином
столкнулся!

Его нетрудно одолеть:
слабее нету человека.
Его ни доктор, ни аптека
сейчас не смогут отогреть.

Но где-то здесь, в лесу глухом,
крестьянин бродит с топором.

Вот если ты его застудишь,
тогда уж всех сильнее будешь!..

А ветер Северный орёт:
— Веди меня к нему живее —
и он как муха упадёт,
едва я дуну посильнее!..

4.

И с места взвихрился, злодей,
нашёл, свирепый, дровосека,
и всё сильней,
всё холодней,
в него впирается с разбега:
морозит,

студит,
леденит,
сбить с ног
на землю
норовит,
колючим
снегом
засыпает, —
живого
в саван
одевает.

Иной бы струсил и... застыл.
Но дровосек — не то, что барин:
топор испытанный схватил
и смаху в дерево ударил.

Ударил раз,
ударил вновь, —
пошла быстрее по жилам кровь!

Пробита толстая кора,
смолой душистою пахнуло,
и щепки из-под топора
фонтаном в сторону взметнуло!

А он всё рубит, рубит... Вдруг
остановился. С потных рук
снял рукавицы — жарко стало!
И зипунишко с плеч долой.
И к шапке тянется рукой.
(Ну! Даже шапка помешала!)

И только шапку он стянул, —
как ветер Северный ни злился,
морозить больше не решился,
от дровосека отступился, —
обратно к брату повернул.

5.

— Ну, как? — Восточный брат
спросил.
— Ох, я совсем лишился сил..
— А заморозил?
— Что ты?.. Где там?..

Ему теперь теплей, чем летом!
Мороз

и ветер,
лёд
и снег

слабей,
чем этот
человек!..

Иосиф Курлат

РАССВЕТ

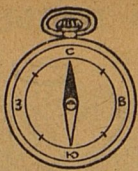
В вышине мерцает Млечный путь —
Дальние, нехоженные тропы.
Хорошо бы нам когда-нибудь
Всей гурьбою по нему протопать.

Хорошо бы там разжечь костёр,
Хором песню спеть, земную, нашу,
А потом — затеять жаркий спор
И сварить космическую кашу.

А потом — за плечи рюкзаки
И шагать по неизвестным тропам.
Хорошо бы взять нам молотки,
По-земному в небе поработать!

Вот и утро...
Словно фонари,
Предрассветных звёзд погасли вспышки.
Пионерским галстуком зари
Небо повязалось, как мальчишка!

Пёстрые заметки

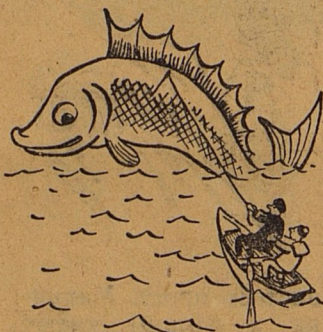
Рыба-загадка

В 1913 году небольшая яхта «Самоа» шла вдоль цепочки островов Флорида-Кис. Вдруг с палубы заметили огромную рыбу. Присмотревшись, капитан яхты с удивлением обнаружил, что рыба не похожа ни на кита, ни на акулу и вообще ни на одно из известных морских животных.

Быстро была спущена шлюпка. Вооружённый гарпуном капитан и один из пассажиров яхты отплыли от судна, чтобы поближе рассмотреть, а по возможности и убить, странное животное.

Гарпун вонзился в бок чудовища, и шлюпка тотчас же понеслась с огромной скоростью. Так началось одно из самых удивительных в морской истории путешествий маленькой лодки в рыбьей упряжке. Гонка продолжалась 39 часов. Яхта старалась не терять шлюпку из виду. Наконец, исчерпав свои силы, таинственная рыба перестала сопротивляться, и её подтянули к борту яхты.

Голодные, утомлённые гонкой, капитан и его спутник едва держались на ногах. Под-

нявшись на борт яхты, они отправились в каюты. Но отдохнуть им не удалось. Вбежавший юнга сообщил, что рыба пришла в себя, в щепки разнесла пришвартованную к борту шлюпку и

угрожает безопасности яхты. На рыбу посыпался град пуль.

Охотничий трофей вызвал огромный интерес среди учёных. Вес рыбы был 12 тонн, длина — около 14 метров. В обхвате рыба имела около 7 метров. Это была именно гигантская рыба, а не млекопитающее, так как у неё были обнаружены жабры. Спинной хребет её состоял из мягких хрящей, а не из костей, как у млекопитающих.

С тех пор прошло уже много лет, но до сих пор никто больше не встречал такой странной рыбы. Тайна её так пока и не разгадана.

ШАХМАТНАЯ ДЕРЕВНЯ

В Германской Демократической Республике есть «шахматная» деревня Штребек. Пионеры здесь носят на рубашках шахматную эмблему. Флюгер на колокольне — не что иное, как шахматная доска. И даже на сельской печати вы увидите изображение шахмат.

Почти тысячу лет о Штребеке идёт слава, как о шахматной деревне. Все, от мала до велика, играют здесь в шахматы. Эта игра входит даже в школьную программу, и ученики

обязаны сдавать экзамены по теории и практике шахматной игры.

Рыбы уходят в горы

То, что люди пересекают высочайшие горные хребты, теперь уже никого не удивляет. Люди порою проходят там, где не под силу пройти даже горным козлам. На Кавказе, в Альпах и других горных районах во многих долинах водятся свои, особенные породы козлов и баранов, отличающиеся от соседей, обитающих с противоположной стороны хребта. Значит, самых высоких точек гор они не пересекают.

А вот для иных рыб и гора не преграда. На что уж велики горы Тянь-Шаня, но маринки и османы (рыбы из семейства карповых) легко их преодолевают. Установлено много случаев, когда эти рыбы, которые, конечно, и шага не могут ступить по земле, переваливали через горные хребты и спускались в долины по другую их сторону. Как же это могло произойти?

Секрет «рыб-альпи-

нистов» прост. Маринки и османы умеют преодолевать пороги: отталкиваясь от воды, они как бы перепрыгивают их. Так им с низовьев удаётся пробраться к истокам горных рек. В некоторые годы снег на горах тает особенно сильно, и истоки рек на водоразделах, сливаясь на время, как бы «перешиваются». Тогда-то рыбы и могут перекочевать из одной долины в другую.

Таинственные сеятели

В конце прошлого века в США сильный пожар опустошил огромные лесные районы. Погибли деревья, начисто выгорели кустарники. Толстый слой пепла покрывал землю.

Спустя несколько лет на место пожарища заехал один учёный. Какое же было его удивление, когда он обнаружил там буйную мо-

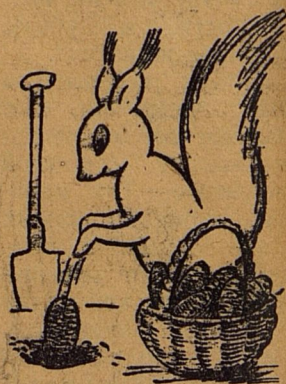
лодую поросль зелёных пихт! Откуда?! Кто засеял этот мёртвый участок? Даже ветер не смог бы этого сделать, так как приносимые им семена попали бы на густой слой пепла и не смогли прорасти. Люди тоже посевами пихт не занимались, это учёный знал твёрдо. Откуда же взялась молодая поросль?

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ФАМИЛИИ

Какая самая короткая фамилия в мире?

Это фамилия одной бирманской семьи. В ней нет ни одной буквы и обозначается она надстрочным знаком — апострофом.

Ну, а самая длинная фамилия? Несколько лет назад одна немецкая газета сообщила фамилию одного турка, жителя города Истамбула. Фамилия эта состоит из 43 букв. Вот она: Аийильчикликкирлицибайрактэзийанкаграманоглу. На первый взгляд, фамилия очень громоздкая, неудобная. Между тем её владелец очень гордится своей фамилией, так как означает она: «Сын героя, знаменосца флага с полумесяцем и звездой».

Виновидами возращения леса оказались... белки! Ещё до пожара, по своей старой привычке, они закопали в землю про запас множество шишек. Семена сохранились во время пожара, а потом проросли. Вот и зазеленели пихты снова!

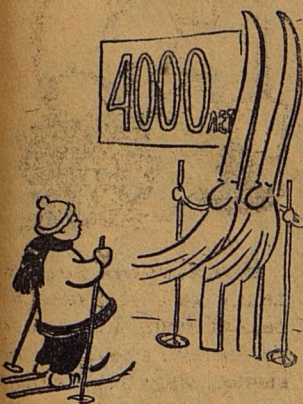
...САМЫЙ длинный ствол имеет представительница тропических лесов — ратанговая палема? Чтобы протянуть к лучам солнца пучок своих перистых листьев, палема, продираясь сквозь тропические заросли, цепляется колючими шипами за ближайшие деревья и, как канатом, обвивает их своим тонким стволом. Длина его достигает порой 400 метров.

★

...САМАЯ необычная единица измерения расстояний существовала в Древней Индии? Расстояния измерялось там по пределу слышимости коровьего мычания — «му!» В зависимости от условий местности одно «му» могло равняться 300—500 метрам. Древние воины специально упражняли свой слух, чтобы по крику птицы, зверя или человека безошибочно определить, сколько до него коровьих «му».

★

...САМЫМ первым лыжам на земле 4000 лет? На вид это самые обычные узкие доски с загнутыми вверх концами. Хранятся они в Шведском музее лыж.

Знаешь ли ты, что?

★

...САМЫМИ большими в мире скульптурами являются так называемые колоссы Мемнона (Родосские колонны). Эти две гигантские статуи изображают, по всей вероятности, фараона Аменхотепа III (XXII век до нашей эры), а высота их равна 20 — 23 метрам. Другая прекрасная статуя гигантских размеров — знаменитый сфинкс в Гизе (близ пирамиды Хеопса). Высота его от основания до макушки равна 20 метрам. Длина тела — 43 метра. Ширина лица — 4 метра, а высота носа — 1 метр 70 сантиметров.

★

...САМЫЙ древний «гербарий» находится в египетском городе Луксоре? Этот «гербарий» изображён на стенах храма, построенного более трёх тысяч лет назад. Древний художник запечатлел на граните все известные в Древнем Египте полезные и вредные растения.

★

...САМЫМ «мокрым» местом на земном шаре следует считать Геррапонджи (горная провинция Ассам в Индии). Здесь, на высоте 1250 метров над уровнем моря, выпадает в среднем 11 800 миллиметров дождя за год.

★

...САМЫМ первым живым существом, поднявшимся в воздух на летательном аппарате, была... овца. В 1783 году два француза, братья Монгольфье, построили корабль легче воздуха — воздушный шар. Оболочка его была сделана из бумаги и полотна и наполнена нагретым воздухом, более лёгким, чем холодный воздух. Первенец воздухоплавания взлетел в небо 4 июля 1783 года. А два месяца спустя братья Монгольфье запустили второй шар. На этот раз к нему была прицеплена клетка с двумя первыми небесными пассажирами — овцой и уткой. Но утка и так иногда летала по воздуху, а вот каково было овце оторваться от привычной земли!

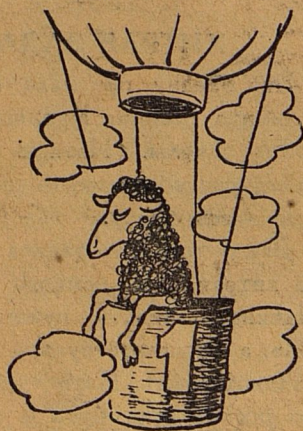
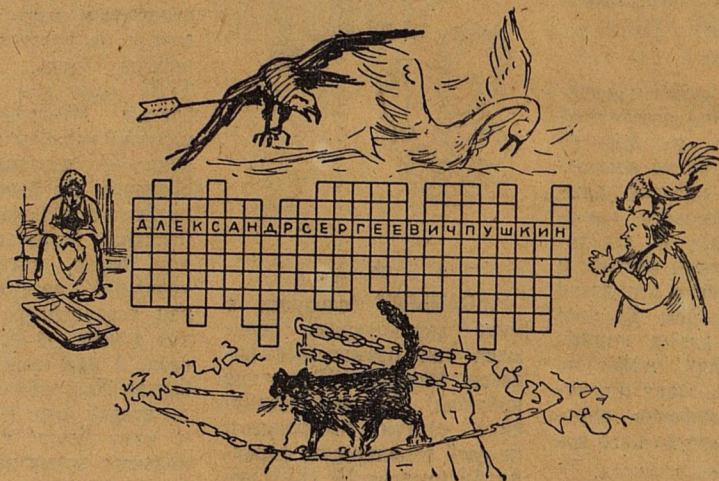

Рис. А. Курушина

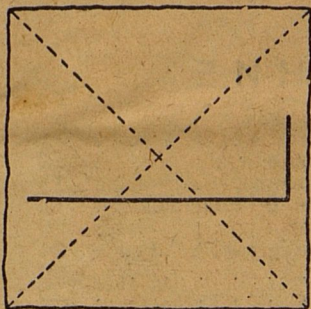

Эту задачу прислала наша читательница Наташа Куликова, ученица 388-й школы. Наташа предлагает найти способ прочесть зашифрованную здесь фразу.

ЗАДАЧИ БУКВ

Из букв, входящих в слова **пачка, тина, доска, як**, можно составить название хорошо известного вам произведения А. С. Пушкина. Название другого произведения великого писателя можно составить из букв четырёх других слов: **длина, юла, рис, мул**.

НА ЛИСТКЕ КАЛЬКИ...

На листке кальки — жирная ломаная линия, состоящая из неравных по величине отрезков прямой, сходящихся под прямым углом.

Если вы сложите листок дважды с угла на угол (по линиям, намеченным пунктиром) и посмотрите на свет, то увидите... квадрат.

А какой вид должна иметь линия, чтобы, рассматривая на свету сложенный с угла на угол листок, вы увидели неравносторонний прямоугольник? Трапецию? Равносторонний треугольник?..

МОНОГРАММЫ

На нашем рисунке — четыре буквосплетения (монограммы). Буквы, входящие в монограммы, могут иметь различную ширину, высота же их во всех случаях одинакова.

Разобравшись в монограммах, вы сможете составить имена или фамилии хорошо известных вам героев произведений А. С. Пушкина.

Попробуйте также решить обратную задачу: найти несколько слов, в которые вошли бы все буквы слов «Станционный смотритель». Все ваши слова должны быть именами существительными в единственном числе.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 12 за 1961 г. и № 1 за 1962 г.)

ЗАДАЧА БУКВ

- Дружина.
- Ежевика.
- Ле-докол.
- Октябрь.
- Маятник.
- Агроном.
- Скворец.
- Трактор.
- Единица.
- Рубанок.
- Америка.
- Блокнот.
- Отчизна.
- Изумруд.
- Телефон.
- Самолёт.
- Ящерица.

В верхней горизонтали: дело мастера боится.

ГОЛОВОЛОМКА

На рисунке — пять кольцевидно изогнутых букв: «Чехов».

ЧИСЛОВЫЕ ПРЯМОУГОЛЬНИКИ

Решение смотрите на рисунке.

3	5	5	9	9	9
9	9	5	7	9	1
9	9	6	7	1	8
9	6	8	4	9	4
7	4	7	4	9	9
3	7	9	9	3	9

ПЛЕТЁНКА

На горизонтальных лентах: «Скучен день до вечера, коли делать нечего». На вертикальных: «Маленькое дело лучше большого безделья».

ДЛЯ ЧЕГО ОНИ СОБРАЛИСЬ?

На рисунке: верблюд, лама, аист, дельфин, игуана, медведь, ибис, рысь, дятел, удав, рак, олень, волк. Из первых букв: Владимир Дуров.

РЕБУС

Красный галстук на груди — всё на свете впереди!

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

Труд всегда даёт, а лень только берёт.

ЛОГОГРИФ

Рак — бак — бок — бот — кот — кит.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто со мною? Стихотворение Л. Варбас	1
Выстрелы над озером. Очерк Е. Кршижановской	2
Баллада о политруке и колоске. Стихотворение И. Антонова	11
По следам героя. Документальный очерк В. Родионовой	13
Военный трофей. Рассказ Л. Шестакова	20
Ленинский холм. Стихотворение В. Верховского и Г. Гоппе	24
Старый снаряд. Рассказ И. Туричина	26
Творчество юных	29
Секрет спокойствия. Рассказ А. Белина	31
Пограничные будни. Текст к фотоочерку на 2-й и 3-й страницах обложки	33
Ребята из Скобского дворца. Повесть В. Смирнова	36
Отчего снежинки все разные. Волшебная сказка Е. Триновой	50
Иностранный юмор	55
Ветер и дровосек. Сказка в стихах Л. Дьяконова	56
Рассвет. Стихотворение И. Курлата	58
Пёстрые заметки	59
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки — рисунок художника А. Крутцова «Штурм снежной крепости».

На 2-й и 3-й страницах обложки — фотоочерк Г. Сафонова «Пограничные будни» (Текст на 35-й странице).

На 4-й странице обложки — рисунок художника К. Бекташева «Маскарад героев пушкинских сказок».

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Смольный, 5-й подъезд, Тел. Ж 9-15-37

Сдано в набор 16/II 1962 г. Подписано к печати 19/II 1962 г. 4 печ. листа
М-01065. Заказ 136. Формат бумаги 70/108^{1/16}. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

